

ВВЕДЕНИЕ

С обретением национального суверенитета перед Беларусью встала проблема построения собственной модели общественного устройства, собственной модели государственности. Известная практика построения собственной государственности говорит о том, что процесс конструирования национальной модели общественного устройства в целом, и каждого ее фрагмента в отдельности, в особенности на первых этапах, осуществляется под влиянием сильного, в значительной степени неосознанного, эмоционально насыщенного социокультурного кода, своеобразного «зова предков». Первые шаги и первые попытки конструирования собственной национальной модели общественного устройства всегда эйфоричны и эмоциональны. По утверждению авторитетного этнолога Л.Н. Гумилева «эмоции не в меньшей степени, чем сознание, толкают людей на поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. Разница же между сознательной и эмоциональной областями поведения этнических сообществ в том, что первая подчиняется закону спонтанного общественного развития, а вторая связана с энергетическими толчками» [8, с. 132].

На опьяняющей волне демократизации, ликвидации тоталитарного государства и получения национальной независимости практически все постсоветские и постсоциалистические государства в качестве базовой модели для построения собственной государственности безальтернативно выбрали американскую модель. Практика общественного реформирования в постсоветских государствах последних лет красноречиво говорит о том, что политические и экономические модели, построенные на североамериканских или западноевропейских мотивационных моделях поведения, нравах, обычаях, традициях, культурах приводят к непредвиденным, маложелательным либо даже совсем нежелательным результатам. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» – не только российская реальность. В противоестественном соединении несовместимых частей: североамериканских и западноевропейских политических, экономических и социальных технологий с отечественной

духовно-нравственной культурой, вина не только отечественных политиков и экономистов. Теория и практика отечественного общество- и человековедения также оказались неспособными адекватно отреагировать на объективную потребность реформирования общества. Долгое время, находясь под гипнозом марксистской теории об объективности социально-экономических процессов, отечественное обществоведение недостаточное внимание уделяло системному анализу социокультурных национально-специфических особенностей общества. Первые отечественные реформаторы, получившие обществоведческое образование по учебникам научного коммунизма, пронизанного идеями материализма, оказались в сложном положении. Вульгарно понятая марксова формула «общественное бытие определяет общественное сознание» оказала «медвежью услугу» очередным славянским реформаторам, рвущимся к быст-рым и эффективным результатам в экономическом и политическом развитии, таким, «как во всем мире», пытающимся в очередной раз «догнать и перегнать Америку». После прохождения первых шагов в сложном процессе реализации собственной государственности, наступило уяснение того упрямого факта, что собственную модель общественного устройства, собственную государственность возможно выстраивать только на своей собственной социокультурной базе. В настоящее время значительная часть обществоведов сходится во мнении о необходимости смены системы координат в анализе социальной реальности. В частности, белорусско-российский философ В.С. Степин отмечает, что «мы привыкли мыслить в терминах марксистской формационной модели, и потому вопросы, что мы строили и строим, трансформируются в проблему – социализм или капитализм. Но для осмысления сегодняшних процессов нужны новые средства и иной, более широкий, масштаб» [37, с. 18]. Иные средства и иной масштаб предполагают изучение общества как сложной, многомерной, но неделимой системы.

Реформаторский опыт общественного обустройства последних десятилетий в государствах СНГ показал, что попытки поочередного решения вначале политической, затем экономической и, в последнюю очередь, духовно-нравственных составляющих общества неизбежно заканчиваются очередной драмой и трудным осознанием того факта, что ни одну из трех составляющих нельзя решить отдельно от других, тем более, за счет других. В реальной жизни разведенные по различным «научным квартирам» экономические, политические и социокультурные составляющие существуют только в интегрированной форме. Системный общественный кризис – он потому и является системным, что поражает все общественные подсистемы одновременно. Особенно уязвимой является ценностно-ориентационная, культурно-нравственная составляющая, без

восстановления которой ни экономическая, ни политическая системы не поддаются логическому структурированию. Но, в свою очередь, и попытка активизировать культурно-нравственный компонент без экономической и политической поддержки оказывается не более, чем благим пожеланием. Так было в первые годы белорусского суверенитета, когда все проблемы реформирования белорусского общества сводились к национально-культурной по форме, а по сути, языковой самоидентификации. В это же время в соседней России молодая команда реформаторов пыталась в кавалерийском темпе (за 500 дней) решить все проблемы за счет политического реформирования общества. Игнорирование собственной нравственно-культурной почвы и «прививки» североамериканских или западноевропейских политических и социальных технологий на неподготовленную отечественную социокультурную почву приводят к уродливому всплеску нравственно-духовных рефлексий, в том числе и в форме откровенного национализма, шовинизма, к жесткому политическому противостоянию, а в ряде государств – к военным конфликтам.

Как отмечает российский исследователь менталитета А.С. Панарин, «новейшие социальные формы – рыночная экономика, парламентская демократия, правовое государство и т. п. не являются культурно нейтральными. Эти структуры только на поверхности выступают как безразличные к менталитету социальные технологии. На самом деле они имеют глубинную социальную основу, которую модернизатору предстоит выявить, прежде чем принимать решение о переносе их на почву своей культуры. Культура выступает, с одной стороны, как традиция, способная тормозить определенные новации, если они не соответствуют ее «архетипам». С другой стороны, она выступает как «церковь» – инстанция, которой дано легитимизировать те или иные начинания, давать им духовную санкцию, освящать или, напротив, «отлучать» их. И хотя культурная легитимизация, в отличие, скажем, от политико-правовой, носит неявный, неформальный характер, значение ее не следует преуменьшать. В истории мы неоднократно наблюдаем, как преобразовательская воля иссякала, наталкиваясь на скрытые социокультурные барьеры» [26, с. 34].

Потребность в уравнивании материально-экономической и социокультурной составляющих общества предопределила введение в оборот категории, позволяющей раскрыть роль национального фактора в сложнейших общественных процессах. Категория «менталитет» была реанимирована публицистами и политиками в то время, когда предшествующая публицистическая категория «человеческий фактор», введенная в оборот идеологами перестройки, полностью исчерпала свои разрешающие способности. Показательно, что, в отличие от

безднациональной, общесоветской категории «человеческий фактор», категория «менталитет» получила распространение вместе с набирающим обороты суверенитетом национальностей. Как это часто случается, категория «менталитет», введенная в оборот публицистами, стала всеобъемлющей категорией. Будучи научно неопределенной, она стала употребляться для выражения самых неотрефлексированных реалий в экономике, политике, юриспруденции, в элементарных житейских ситуациях. Менталитетом объясняли все просчеты и все неудачи в осуществлении политического, экономического, социального реформирования общества. Некорректное публицистическое применение научно не определенного понятия привело к тому, что в большинстве случаев даже в научных публикациях понятие «менталитет» стало применяться с откровенно негативной нагрузкой. Так, рассуждая о механизмах внедрения менеджмента в образование в Беларуси, В.П. Старжинский и Т.А. Емельянова сетуют, что «возникает ряд вопросов, связанных с тем, что необходимо в процессе внедрения описанных идей учитывать социально-культурную ситуацию в нашей стране. Мы имеем в виду, прежде всего, наличие менталитета «совковости», большевизма, формализма и др. негативно влияющих ценностей и установок всех субъектов образования» [36, с. 9]. Похоже, проклятые пережитки царизма и империализма, наконец, могут спать спокойно. Для новых большевиков появились новые «ужастики» прошлого, для наукообразности облаченные теперь уже в упаковку менталитета. Авторы приведенного выше положения, возможно, и непредумышленно, но достаточно определенно, связали в единую смысловую цепочку категории «совковость» и «менталитет». Известно, что под «совковостью» на публицистическом уровне понимается «груз советского прошлого», который, в свое время, неестественно деформировал лучшие национальные черты, а в настоящее время не дает возможности их «выпрямить». В этой связи отметим, что на менталитет советских людей годы социалистического строительства, конечно же, оказали определенное воздействие. Этот факт очевиден. Но не менее очевидным является и то, что практический опыт социализма в Прибалтийских, Закавказских, Среднеазиатских и Восточнославянских республиках был откорректирован менталитетом и культурой, в первую очередь, титульных этносов. Постсоветские события, существенно различающиеся национальные сценарии, архитектура государственности, модели общественного устройства наглядно демонстрируют национально-этнические менталитеты. Можно на какой-то срок «блокировать» их, но нельзя, даже за семьдесят лет, сколько-нибудь существенно изменить. Для этого нужно изменить все этнообразующие детерминанты, что сделать невозможно.

«Менталитет» и «культура» – тесно связанные между собой категории. Принципиальная схема их взаимодействия может быть представлена следующим образом. Ментальные характеристики «базируются» в подсознательной части психики, они скрыты от непосредственного наблюдения. Их индикаторами являются национально-этнические социокультурные алгоритмы поведения, проявляющиеся в эмоционально-насыщенных обычаях, традициях, стереотипах и предрассудках. Поэтому понять культуру нации, этноса, другой социальной общности возможно, только уяснив неотрефлексированные ментальные характеристики. В свою очередь, декодировать национально-этнические ментальные характеристики возможно, только предварительно проанализировав отличительные социокультурные алгоритмы деятельности. Культура является продуктом многовековой деятельности этноса в конкретных природно-географических, геополитических и социокультурных условиях и представляет собой сложную, иерархически организованную систему устойчивых во времени потребностей, способов их удовлетворения, ценностно окрашенной информации, передающихся из поколения к поколению при сохранении базовых компонентов. «Традиция каждой культуры имеет целостный характер и представляет собой сложную систему взаимосвязанных между собой элементов – обычаев, ценностей, норм, идеалов, убеждений, являющихся регуляторами поведения человека» [38, с. 176].

Современный мир может существовать только обеспечивая баланс двух существенно различающихся и взаимодополняющих, но не заменяющих друг друга, регуляторов человеческого взаимодействия: динамичных межнациональных и межэтнических цивилизационных и достаточно стабильных консервативных национально-этнических культурных норм. Диалектика взаимодействия общецивилизационных и культурно-национальных норм такова, что цивилизационные, межнациональные, межкультурные нормы интегрируют национально-культурные характеристики, но не заменяют их. «*Цивилизация* – система институционализированных культурных образований, представляющих собой формализованные, закрепленные нормативно общественные отношения, стремящиеся к сохранению и воспроизводству самой структуры. Цивилизация не исключает культуры, но может существовать в определенной степени независимо от нее... полное господство цивилизации обозначает гибель культуры, а значит, и деградацию общества» [43, с. 60].

Культурные нормы выступают в качестве главных внутренних духовно-нравственных «скрепов» нации, удерживающих ее от распада в любых, в том числе и катастрофических, ситуациях. Цивилизационные межнациональные нормы, являясь продуктом сознательной

договоренности и компромиссов, обеспечивают возможность сосуществования и взаимодействия различных национально-этнических культур и социальных субкультур. Таким образом, не противопоставление, не антагонизм между универсальными межкультурными цивилизационными и национально-специфическими культурными нормами, принципами и механизмами общественной взаимодейтельности, а их диалектическое единство является необходимым условием существования современного общества.

В условиях глобализации процессов цивилизационно-экономическая, научно-техническая и политическая интеграции не должны привести к растворению национальных культур. Этой точки зрения придерживаются большинство философов и социологов, занимающихся проблемами глобализации. Так, Ю. Хабермас отмечает, что «ядро европейской идентичности составляет скорее сам болезненный процесс познания, нежели его результат. Память о моральной пропасти, в которую столкнул нас националистический эксцесс, придает нашей современной ангажированности статус достижения. Этот исторический долг мог бы подготовить почву для перехода к постнациональной демократии, основанной на взаимном признании различий между гордыми национальными культурами. Ни «ассимиляция», ни «сосуществование» не являются моделями, подходящими для нашей истории – той истории, что научила нас не создавать все более абстрактные формы «солидарности между чужими» [39, с. 47-51].

Учитывая, что цивилизационные отношения, в том числе и в виду их условности, договоренности являются более динамичными, а культурные – более консервативными, в переломные моменты общественного развития проявляется разнотемпная динамика этих составляющих. При достижении критической точки их раздвоения вступает в действие «закон маятника». Чем дальше вперед (или назад) ушла одна из составляющих, тем больше назад (или вперед) отбрасывает ее маятник от точки «оптимального равновесия», что, в свою очередь, обуславливает новое движение маятника в противоположную сторону. Неприятие цивилизационных норм общественного взаимодействия обуславливает ностальгические попытки «возврата назад», игнорирование же национально-культурных нормативов предопределяет требования безрассудных, быстрых и радикальных общественных перемен. В периоды кризисного развития общества повышается динамическое напряжение не всего населения, а крайних, пограничных социальных слоев. При этом, один из пограничных слоев испытывает большую нагрузку «на разрыв», тогда как другой пограничный слой – такую же нагрузку, но «на сжатие». Социальные слои, расположенные в центральной части общества, в это

время испытывают напряжение в минимальной степени либо не испытывают вовсе. Высокое напряжение пограничной части общества не может долго поддерживаться. И как только наступает ослабление источника «возмущения», инерционная, консервативная часть общества, возвращая социальную конструкцию в прежнее состояние, обеспечивает очередной «перегиб», теперь уже в другую сторону. При навязывании форсированных темпов политического и экономического реформирования без учета собственных социокультурных ментальных характеристик, основная масса населения не успевает откорректировать собственные характеристики и, вполне естественно, воспринимает реформы как насилие со стороны другой, меньшей части населения, либо, что еще хуже, со стороны властных структур. Непросчитанные темпы и глубина реформ, без учета собственных ментальных характеристик, неизбежно создают базу для критического социального напряжения, гражданской конфронтации. Президентские и парламентские выборы, общенациональные референдумы по важнейшим вопросам государственного устройства являются источником «возмущения», приводящим в движение силы, дестабилизирующие социальную статику.

Противоречие между более устойчивой культурно-нравственной и более динамичной рационально-цивилизационной компонентами носит объективный характер. Без этого разрыва начинается стагнация, застой в общественном развитии. Но этот разрыв не должен превышать прочностных возможностей национально-этнических культур. Это хорошо просматривается на примере новых государств, вышедших из недр распавшегося Советского Союза. Если для Балтийских республик выход из состава СССР явился практически достаточным условием для динамического, и надо полагать, эффективного усвоения цивилизационных, рационально-рыночных общественных отношений, то для всех других республик Содружества Независимых Государств утрата привычных регуляторов общественной жизни вызвала парализацию деятельности. Попытки активизировать ее с помощью все более новых и новых, все более и более прогрессивных законодательных актов, обновления или радикальной замены политической правящей элиты, искусственного обострения социально-экономических противоречий типа «шоковой терапии», равно как и другие организационно-административные меры, приводили прямо к противоположным результатам.

В настоящее время категория «менталитет» активно используется в качестве междисциплинарного инструмента историками, политологами, экономистами, правоведами, культурологами, психологами, философами, социологами. В способности обеспечения междисциплинарной интерпретации социальных процессов, выявления связи между

умонастроением, мироощущением социума и социальными процессами проявляется важнейшая *социально-инструментальная* функция менталитета.

Отличительной чертой менталитета является его латентность, скрытость от непосредственного наблюдения в виду того, что его основным «хранилищем» является подсознательный уровень психики. В периоды устойчивого, стабильного развития общества усиливаются социально-рациональные алгоритмы поведения, ослабляется подсознательная ментальная составляющая общественного поведения и повышается сознательная составляющая, вследствие чего в периоды «общественного консенсуса» ментальные отличия представляются незначительными, не оказывающими существенного влияния на политические, экономические, социальные процессы. Советский и югославский опыт деятельности полиэтнических государств показал, что в периоды стабильного общественного развития различающиеся ментальные характеристики этносов проявляются на уровне культурно-бытовых различий (национальная кухня, одежда, музыка, литература, поэзия, архитектура). В связи с тем, что в периоды общественного согласия ослабляются внутриэтнические центростремительные и усиливаются межэтнические центростремительные тенденции, усиливается иллюзия существования единых для всех времен и народов моделей социального и политического устройства общества. В данном контексте национальные ментальные особенности создают поликультурную, «многоцветную» гармонию различающихся, но взаимодополняющих, дружественных народов. Достигнутый в Советском Союзе межэтнический консенсус позволил советским идеологам объявить о создании беспрецедентного социального вненационального образования – советского народа.

Практика последних десятилетий продемонстрировала, что основным субъектом и формирования, и сохранения менталитета является не нация, а этнос. Именно поэтому в периоды кризисного развития общества усиливаются внутриэтнические центростремительные и межэтнические центробежные тенденции. В кризисные «смутные» времена общественного реформирования неизбежно актуализируются этнические процессы. В эти периоды происходит, по терминологии Л.Н. Гумилева, пассионарный разогрев этноса. «С точки зрения истории общественных отношений «смутное время» – кризис; для истории культуры – упадок; для этнической истории – взрыв пассионарности и связанный с ним перегрев, охлажденный пролитой кровью. Пассионарность как огонь: она греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посредине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо

охлаждения» [8, с. 126]. В переломные периоды общественного развития безобидные бытовые национальные различия перерастают в принципиальные, зачастую, антагонистические национально-этнические противоречия. В периоды системных кризисов появляется острая потребность в ответах на вопросы: «кто мы?», «откуда мы?», «чем мы отличаемся от других?», «кто наши друзья?», «кто наши враги?». Создается устойчивая уверенность в том, что получив ответы на эти вопросы можно дать ответ на вопросы: «как мы должны жить?» и «как мы должны поступать?».

Одной из причин не только межгосударственных, но и внутригосударственных конфликтов является то, что одни и те же политические декларации различные этносы и субэтносы наделяют существенно отличающимся содержанием. События новейшей истории показывают, что, будучи политическими по форме, внутригосударственные конфликты в странах ближайшего зарубежья в большинстве случаев являлись межэтническими по сути. Не вызывает сомнения, что если при определении политического курса – выборах парламента – электорат делится не на демократов, либералов, коммунистов и т. п., а на «север» и «юг», «запад» и «восток», то очевидно, что критерием национального раскола являются не политические пристрастия, а нечто другое. Этим «другим» и является менталитет, в критических условиях выполняющий функцию разделения населения на «своих» и «чужих».

Не преувеличивая значения прошлого, нельзя не признать того, что каждый этнос, каждый народ имеют свою архаику, свою «спрессованную» историю, свой «звон предков». Исторический опыт последних десятилетий убедительно доказал, что те народы, политико-экономическое реформирование которых базировалось на собственной культуре и собственном менталитете, достигали высокой экономической и социальной эффективности. Российский исследователь менталитета А.С. Пантин прямо указывает на деятельную функцию национального менталитета, взаимосвязь менталитета с социально-экономическими общественными технологиями. Он, в частности, отмечает, что «в этносоциологии, интенсивно развиваемой в последние десятилетия, показано, что при сравнении США и Японии при равных технологиях японский менталитет несравненно более эффективен за счет того, что японцы сохранили его традиционную структуру, связанную с этикой труда, ответственности, коллективного блага... народ, который их сохраняет, гораздо уютнее себя чувствует в постиндустриальную эпоху, чем тот, кто с ними расстался» [23, с. 37].

Практика общественного реформирования показала, что не только политические пристрастия, но и такие базовые алгоритмы совместного

действия, как: приоритеты и соотношение коллективных и индивидуальных форм организации труда, распределение и потребление материальных и духовных благ, формы владения и распоряжения землей, взаимодействие производственных и социальных структур, формы, размеры семьи и соотношение цивилизационно-юридических и социально-культурных регуляторов их деятельности, в конечном счете, определяются культурой и менталитетом каждой нации. Расшифровать собственную «архаику», собственный менталитет для того, чтобы с меньшими потерями проектировать будущее, – задача обществоведческой науки.

Этнографические исследования на территории Беларуси, на основании которых создавались белорусские ментальные модели, проводились в XIX и начале XX столетий. Материалы именно этих исследований использовались и используются при описании ментального портрета белоруса. Высоко оценивая научный уровень указанных исследований, вместе с тем, следует отметить, что за прошедшее время этнообразующие детерминанты подверглись существенному изменению. Характерный для начала XX столетия кормящий белорусов ландшафт подвергся существенному окультуриванию. К примеру, мелиорация Полесья, помимо экологических последствий, внесла принципиальные коррективы в образ жизни не только полешуков.

Особенно рельефно белорусский этнос модернизировался в послевоенный период во второй половине XX столетия. В этот период осуществлялись промышленно-индустриальная революция и урбанизация белорусского населения. Если к началу XX столетия 90 % всего населения Беларуси, в т. ч. 98 % этнических белорусов, проживало в сельских населенных пунктах, и тип хозяйственной жизни был ярко выраженным аграрным, то в послевоенной Беларуси тип хозяйствования приобрел индустриально-аграрный характер. Послевоенные города Беларуси из полиэтничных, в которых белорусский этнос был представлен в меньшинстве, превратились в полиэтничные с доминированием белорусского этноса.

Города вообще, а белорусские – в частности, представляют собой своеобразные «котлы», в которых этносы постоянно «переплавляются» в новые образования не только на культурно-цивилизационном, но и на генном уровнях. В настоящее время для значительной части населения Беларуси проблема идентификации на геноэтническом уровне представляется проблематичной в виду того, что в течение последних десятилетий сформировалось новое трансславянское образование, в основании которого – белорусские, русские, украинские, польские этнические корни. Более корректной является культурно-государственная

идентификация, в пределах которой происходит самоопределение по принадлежности к белорусской культуре и белорусскому государству.

Изложенные выше обстоятельства предопределили основную цель исследования – при помощи социологического анализа исследовать *менталитет современных белорусов*, сопоставить его с данными этнографических исследований второй половины XIX – начала XX веков и сравнить ментальные характеристики с аналогичными характеристиками как соседей – русских, украинцев, поляков, литовцев, так и с нациями, олицетворяющими Запад – немцев и американцев.

Монография написана на базе материалов социологического исследования, выполненного в Гомельском государственном техническом университете имени П.О. Сухого в рамках Государственной программы «Социологическое исследование социальных и социально-культурных процессов в современной Беларуси» при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

Анкетные опросы проводились по специально разработанным анкетам в 1998 году в Гомельской области, а в 2001 и 2003 годах – в приграничных регионах Российской Федерации (Брянская область), Украины (Черниговская и Киевская области), Польши (Варшавское и Бяло-Подляское воеводства) и Беларуси (Гомельская и Гродненская области).

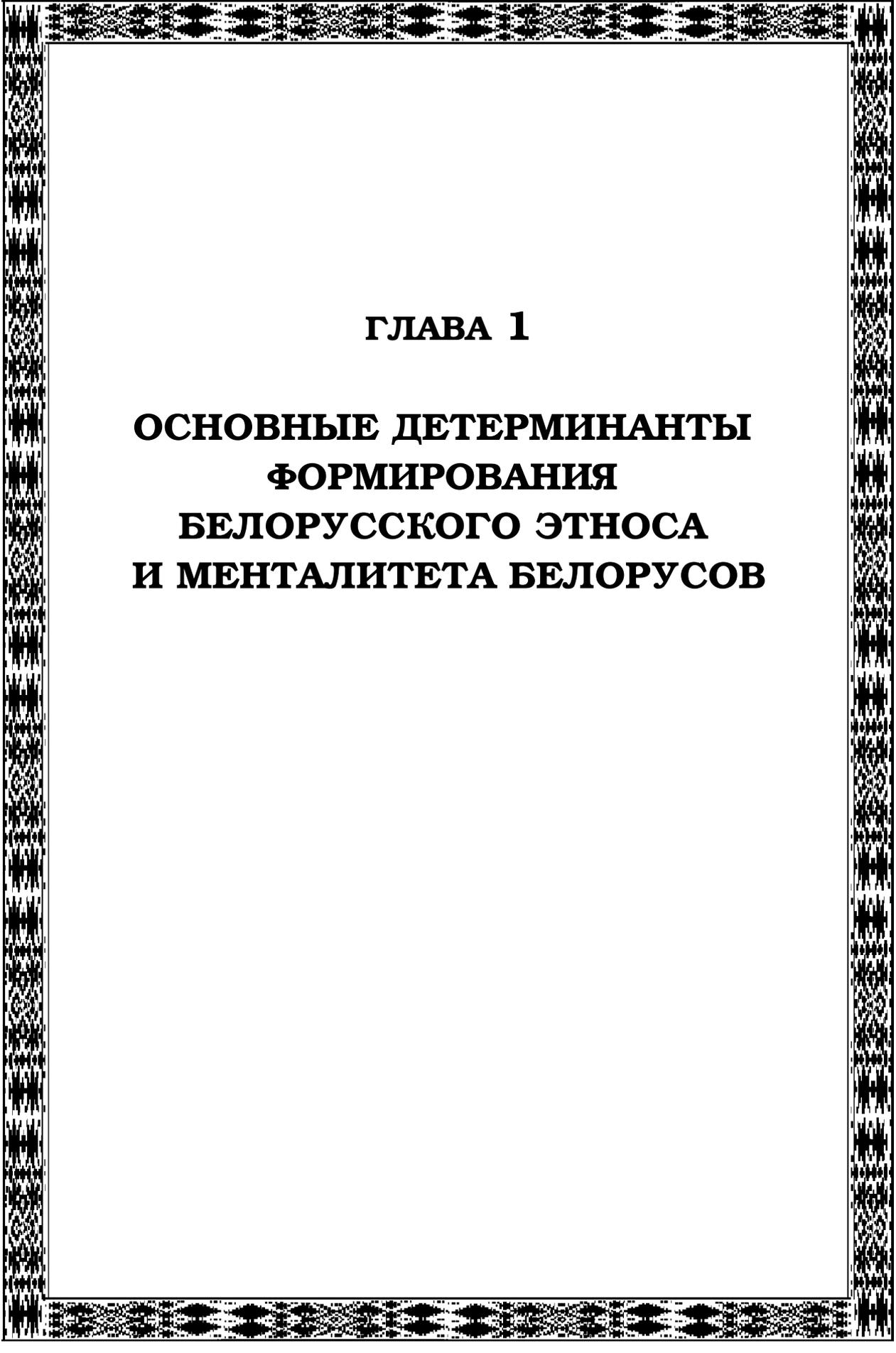
Фактологической базой монографии являются материалы исследования 2003 года, выборочная совокупность которого сформирована на базе Гомельской и Гродненской областей Беларуси и включает 1511 респондентов. Выбор областей обусловлен тем обстоятельством, что Гомельская и Гродненская области являются трансграничными на культурно-цивилизационной оси «Восток – Запад». Культура и менталитет жителей Гомельской области формировались в условиях интенсивного взаимодействия белорусского этноса с восточнославянскими – русским (великорусским) и украинским (малороссийским) этносами, тогда как культура и менталитет жителей Гродненской области формировались в условиях интенсивного взаимодействия с западнославянским (польским) и балтским (прежде всего – литовским) этносами. Сопоставление оценок у носителей элементов восточной и западной культур Беларуси позволяет зафиксировать как общебелорусские, так и различающиеся региональные ментальные характеристики.

Репрезентативность выборки исследования обеспечена по следующим параметрам: а) в разрезе областей, где отклонение параметров выборочной совокупности от генеральной составило 3,3 %; б) по основным этническим группам – белорусам, русским, полякам и украинцам отклонение составило от 1,2 % до 4,5 %; в) гендерной совокупности – 2,9;

%, г) по представительности в разрезе городской и сельской местности – 7,8 % в сторону превышения респондентов из городской местности. Последнее отклонение объясняется тем, что респонденты – студенты вузов, постоянно проживающие в сельской местности, в анкете указали городской тип поселения.

Автор благодарен всем, кто оказал помощь в обработке материалов социологического исследования, подготовке рукописи к печати, высказал советы по улучшению ее структуры и фактологической базы. Автор приносит слова благодарности рецензентам монографии – доктору социологических наук, профессору Русецкой В.И. и доктору социологических наук, профессору Бубнову Ю.М. за конструктивную критику и предложения по улучшению некоторых аспектов книги.

*Особые слова благодарности автор приносит научному консультанту – доктору философских наук, профессору, академику Национальной академии наук Беларуси
Бабосову Е.М.*

ГЛАВА 1

**ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА
И МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ**

1.1. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА НА ФОРМИРОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА

В соответствии с получившей широкое распространение концепцией представителей географического детерминизма одним из базовых компонентов, предопределяющим возникновение и развитие этноса, является природно-географическая среда обитания. По терминологии Л.Н. Гумилева, именно «кормящий ландшафт», природно-географическая среда являются важнейшим и необходимым условием начала этногенеза – формирования этноса. Вслед за С.В. Колесником, под ландшафтом Л.Н. Гумилев понимал «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами, и представляющий собой целостную и взаимообусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [7, с. 19]. Влияние ландшафтных условий на формирование этноса в различные периоды его формирования существенно варьируется. На ранних этапах его становления, в силу объективных причин, человеческий организм оказывается полностью подчиненным окружающей среде. Не обладая необходимыми возможностями противодействия природе, «географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы» [7, с. 190].

Широко распространено мнение, что наиболее благоприятными условиями для формирования и развития этносов являются прибрежные равнины между 30-й и 45-й параллелями. Именно здесь возникли «великие цивилизации прошлого в Европе, Азии и Африке» [41, с. 155]. Территория Беларуси расположена между 51°16' и 56°10' параллелями и далеко не в прибрежных равнинах. С точки зрения классической этнографии, белорусский «кормящий ландшафт» не является комфортным. Природно-климатические условия Беларуси создали предпосылки для формирования

неизнеженного белорусского этноса. Прародиной племен и субъэтносов, впоследствии сформировавших белорусский этнос, была девственная природа бассейнов Верхнего и Среднего Днепра, Припяти, Западной Двины и Немана.

Теоретическое положение Л.Н. Гумилева о том, что этносы зарождаются и благополучно существуют только на территориях, сочетающих два и более типов ландшафтов [7, с. 257], соответствует природно-географическим условиям формирования белорусского этноса. Эти условия представляли собой разнообразные ландшафтные типы. «Дика и величественна, разнообразна и изменчива природа Беларуси. Много в ней таких особенностей, каких вы не встретите нигде, разве на Крайнем Севере. Воды, болота, земля и леса составляют канву, на которой тысячелетия избороздили самые причудливые узоры, то открывая их наготу, то закутывая гущею непроходимых лесов и болот, и делая почти недостижимыми для человеческого глаза. ... Бассейны рек, пронизывающих Белоруссию, придают ей совершенно отличные черты. Так по течению Немана и его притоков ... местность холмиста, весьма живописна, разнообразна. ... Неман, протекая по северо-восточной границе, придает особую картинность местности, вообще возвышенной, перерезанной холмами, среди коих пространные надбрежные долины... Совершенно другое зрелище представляют нам побережья Днепра. Здесь природа величественна, сурова. Нет того разнообразия, той игривости картин, какие видим по течению Немана» [15, с. 329].

Природно-климатические условия формирования этноса, «кормящий» белорусов ландшафт именно благодаря своей девственной экзотичности в сравнении с ландшафтами, формировавшими соседние великорусский и малоросский этносы, с точки зрения продуктивности, был более чем скромным. «Область Верхнего Поднепровья и Беларуси только восточным своим краем захватывает северо-западный угол Среднерусской возвышенности, орошаемый Волжской и Окской речной сетью, центром же своим лежит в полосе возвышенных волоков между речными бассейнами Черного и Балтийского морей (Днепром и Припятью, Зап. Двиной и Неманом). К северу от этих волоков местность носит характер приозерной, холмистой, балтийской страны с ее типичным моренным ландшафтом; к юго-западу от волоков тянутся бесконечные болотистые малопроезжие, оригинальные низины и трясины Полесья, а к юго-востоку – широкие, слегка волнистые плоскогорья с ландшафтом средне-русских нечерноземных местностей. Малопородная, глинисто-песчаная почва Верхнего Поднепровья и Беларуси способствовала скоплению здесь лесных богатств и болотных образований, но мало благоприятствовала земледелию, отсутствие здесь особенно ценных ископаемых богатств не содействовало развитию горных промыслов» [32, с. 111].

На формирование таких базовых ментальных характеристик белорусов, как трудолюбие и толерантность, не в последнюю очередь, оказал влияние малопродуктивный «кормящий ландшафт», ибо «...лишь только кончаются плодородные земли, сейчас же начинаются жилища белорусов, ... намеренно обегаящие друг друга жилища, чтобы не потеснить и не обидеть беднейшего соседа» [15, с. 456].

Более благоприятными были природно-климатические условия западной части территории современной Беларуси, в Гродненской губернии. Здесь «климатические условия области представляются весьма благоприятными. Волнистая и отчасти холмистая поверхность равнины прекрасно орошена; в широкой полосе, между Западной Двиной и Неманом, богата озерами; местами, как, например, в южной части своей, болотиста; а повсеместно обилует текучими водами и лесною растительностью, покрывающую не менее четверти пространства области» [15, с. 220]. В отличие от других зон природно-климатические условия западной части современной Беларуси (Гродненская губерния) создавали более благоприятные условия для рентабельного земледелия. Земледельческий потенциал Гродненской губернии выгодно отличался не только от Белорусских губерний, но и от соседних – Виленской и Ковенской. Поэтому «весьма естественно, что при хорошем климате и почве, плодородие которой усиливается достаточным удобрением благодаря находящимся в пользовании литовских крестьян пастбищам, Литовская область не только производит при средних урожаях довольно хлеба для местного потребления, но и высылает свои хлебные избытки за пределы губернии» [15, с. 224].

Существенно отличалась от других южная часть природного ландшафта белорусского этноса. Здесь «кормящий» ландшафт был представлен уникальным сочетанием лесов и болот. Белорусское Полесье, вне сомнения, представляет собой самостоятельный тип ландшафта, принципиально отличающегося как от Витебского поозерья, так и центральной возвышенной зоны. Ландшафт Полесья, состоящий из топей, болот и лесов, на своих обитателей действовал особенным способом. Здесь люди жили в «небольших поселениях, расположенных на песчаных холмах, возвышающихся среди болот и покрытых слоем наносной почвы. Легко, наконец, составить себе понятие, какова жизнь этих болотных обитателей, когда мы вспомним, что со вскрытием рек воды их сливаются с водами такого множества рукавов, притоков, ручьев и образуют одно громадное озеро, на котором кое-где виднеются небольшие острова. Это-то и есть те холмы, о которых мы упомянули, с их несчастными жителями, в течение двух-трех месяцев совершенно отрезанными от всяких сообщений с людьми. Даже между собой эти жители холмиков с трудом и, подвергаясь нередко большой опасности, могут общаться на лодках» [15, с. 341]. Сложность структуры уникального полесского ландшафта не позволяла

строго определить и территориальные границы Полесья. «Собственно Полесье, т. е. долина Припяти, занимает три южные уезда Минской губернии, Пинский, Мозырьский и Речицкий; но по однородности почвенных условий к этому же Полесью относят все пространство, начинающееся за Слонимом, Слуцком и Бобруйском и тянущееся на юг до Ковеля, Клевая и Радомысля, включая также всю местность от Буга до Днепра, между Кобриным и Лоевом. Вся эта площадь называется Полесьем» [15, с. 340].

Девственная, неурбанизированная природа Беларуси «очаровывала» всех исследователей, описывавших ее: как древнегреческих (Геродот), так и польских, и российских, считавших Беларусь своей территорией. Но у самих жителей белорусских лесов и болот нетронутая природа, помимо очарования ею, выработала необходимость поиска механизмов приспособления к ней. Неспособность сколько-нибудь существенно изменить природные условия сформировала у белорусов не столько рационально-деятельные, сколько созерцательно-приспособительные алгоритмы поведения.

Не может не вызвать уважение удивительное, по сути, поэтическое описание белорусов и Беларуси в научном труде Российского императорского русского географического общества, в котором в частности отмечается, что «Беларусь с ее величественными Днепром и Двиной, с их дремучими лесами, с непроходимыми тундрой и болотами, – царство волков и коз, леших и русалок, царство ведьм и чаровниц ...– хотя и рано признала христианство, но надолго сохранила древние языческие предания и обряды. Белорус и теперь чтит своего домашнего пената «Чура», он и до сих пор знает богов каждого времени года и даже опишет наружность каждого. Он помнит наружность Ярилы и теперь Ладой закликает весну; он умеет увертываться перед лешим в лесу, подчас даже надует его; он знает как подразнить русалок, но не поддастся им. Он чувствует свою Лялю, богиню весны Цецю, когда она является красивой, полной женщиной, со спелыми колосьями на голове и с плодами в руках, – его кормилицу, богиню лета; но он умеет задобрить и страшного Зюзю, грозного, смертоносного Карачуна. Ляля, Цеця и Зюзя – имена известные только в Беларуси. Белорус вам расскажет, как Церешка добыл цвет папоротника и как вдруг стал могучим и умным. Только белорус знает подземного Жижеля (огонь), распространителя лесных пожаров» [15, с. 236]. Выделяя отличительные характеристики белоруса, исторический источник отмечает, что белорус отличается сильно развитым воображением и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения.

Девственная природа Беларуси являлась одним из факторов синтеза удивительного типа культуры взаимодействия белорусов с окружающим миром. Белорус скорее обожествлял, созерцал природу, чем пытался покорить и переделать ее. Приняв христианство, белорусы не могли расстаться со

своими «языческими» богами. В реальной действительности у белорусов была христианско-языческая религия. По определению И. Абдираловича «Страціўшы ў сабе вольнага паганца, што маліўся пню, зьліваўся духам з вялікімі сіламі зямлі, пяў прыгожыя песні, сустрачаючы веснянкамі вясну або хаваючы Купалу, што мог вольна адпавядаць і вольнаму дыханню ветру і руху свае душы, – страціўшы ўсе гэта, беларус ня ўбачыў нічога прынаднага і ў новым складзе жыцця» [1, с. 11].

Природный ландшафт, особенно его полесская часть с труднопроходимыми чащобами и болотами, менее других восточнославянских земель подвергавшаяся инокультурному влиянию, естественным способом «законсервировала» древневосточнославянскую культуру. «На мировоззрении белоруса отразились следы далекого прошлого. Повсеместно в России еще сохраняются в большей или меньшей степени следы языческих культов и верований. Но белорусу в этом отношении бесспорно принадлежит первенство. Это и в настоящее время еще страна, о которой можно сказать словами поэта: «там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит» [32, с. 158].

Соглашаясь с концепцией Л. Гумилева о взаимодействии этноса и его «кормящего» ландшафта в той части, что «на Земле нет ландшафта, не испытывавшего когда-либо воздействия человека... искусственные, т. е. урбанистические ландшафты известны с глубокой древности» [7, с. 198], следует подчеркнуть, что соотношение естественно-природного и искусственного ландшафтов, участвующих в формировании различных этносов, существенно различается. В отличие от западноевропейских этносов, на формирование культуры и менталитета которых вместе с естественным ландшафтом в течение нескольких столетий существенное влияние оказывал и искусственный урбанизированный ландшафт, менталитет белорусов до конца XIX столетия формировался под воздействием практически нетронутого естественного ландшафта. В отличие от Центральной и Уральской России, юго-восточной части Украины, где со времен Петровских реформ создавались крупные промышленные центры, строились города с искусственным урбанизированным ландшафтом и урбанизированными социальными отношениями, в Беларуси формирование крупной индустрии началось только в XX веке. К концу XIX века около 10 % населения Беларуси проживало в городах и т. н. местечках. Жизнь остальных была фактически включена в природные процессы.

Большинство исследователей белорусского этноса, его художественной культуры, фольклора указывают на то обстоятельство, что народные песни белорусов отличаются драматичностью, порой безысходностью. Классики белорусской литературы таким же драматическим образом рефлексировали на положение белорусского этноса. Представители западноевропейской культуры, выросшие и сформировавшиеся в условиях урбанизированных

природного и социокультурного ландшафтов, относились к природе и крестьянству с романтических позиций «сверху». Газон и дом-крепость, без которых трудно себе представить образ англичанина, являются элементами искусственного ландшафта. Поэтому для западноевропейской городской культуры характерна сентиментальная романтизация крестьянского образа жизни (пастушок со свирелью, девушка-цветочница). Классики русской и польской художественной культуры, в своем большинстве вышедшие из дворянско-помещичьей среды, также не были лишены романтизации природы и сельской, крестьянской жизни. Для них отношение к природе и крестьянству было скорее с позиции «рядом».

В отличие от плеяды русских писателей и поэтов, большая часть которых родилась и получила первоначальное образование и воспитание в помещичьих усадьбах, большинство классиков белорусской поэзии и прозы – явления исключительно природно-сельские, а если быть более точным, то природно-хуторские. Якуб Колас, Янка Купала, Иван Мележ родились и сформировались в условиях сельско-хуторской природы. Для них не только городские, но даже и местечковые условия были чужими. Будучи связанным очень сложными отношениями с окружающей природой, мироощущение белорусских классиков, их базовые алгоритмы формировались в естественно-природных условиях. Белорусская хата, березки и сосны, лес и поле, болото, на котором люди, вне сомнения, элементы естественного ландшафта – условия жизни белорусского этноса. Белорусские классики могли описывать и природу, и крестьянскую жизнь исключительно «изнутри». Отсюда непонятная для многих, но совершенно естественная для белорусского творчества – суровая реальность, откровенный драматизм, переходящие в безысходность. Русский поэт Сергей Есенин, будучи, точно так же как и белорусские классики, крестьянским сыном, до конца своей жизни так и не смог оторваться от своей сельской «пуповины». У него, так же как и у Я. Коласа и Я. Купалы, доминирующим на положение крестьян был трагический рефлекс.

1.2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ГЕНЕЗИСА БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

Наряду с природно-географическим ландшафтом на формирование белорусского этноса, его культуры и менталитета существенное влияние оказывал геополитический ландшафт. Ведь «этногенез хотя и

обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обращаться к другим наукам» [15, с. 197]. Если на ранних этапах формирования этноса максимальное влияние оказывают природно-климатические условия, то в дальнейшем развитии этноса более значимыми становятся социальные условия, как геополитические, так и социокультурные, ибо «этнос – не зоологическая популяция, а системное явление, свойственное только человеку и проявляющее себя через социальные формы, в каждом случае оригинальные, ибо хозяйство страны всегда связано с кормящим ландшафтом, уровнем развития техники и характером производственных отношений» [7, с. 232].

Географическое расположение Беларуси на культурно-цивилизационных осях «Север – Юг» и «Запад – Восток» предопределило ее срединный геополитический статус – *флуктуации* (fluctuation – от лат. колебание) между культурно-цивилизационными Севером и Югом, Востоком и Западом. В Беларуси, географически расположенной в самом центре Европы, встретились, переплелись и разграничились два типа культуры, два типа цивилизации: западная (европейская) и восточная (азиатская). «Стыковка» Запада и Востока не всегда носила мирный, дружелюбный характер. Западные и восточные гости в Беларуси не всегда были званными и желанными. Правда, Беларусь в средние века счастливо избежала агрессивно-насильственного насаждения как восточной культуры, восточных ценностей через татаро-монголов, так и западной культуры, западных ценностей через крестоносцев. Одна и другая волны докатывались до Беларуси ослабевшими, адаптированными более многочисленными этносами – русскими и польскими. По этим причинам восточное влияние Беларусь восприняла уже в значительной степени ослабленное и адаптированное великорусской культурой, а западное влияние – ослабленное и адаптированное польской культурой.

Выросшее в средние века мощное российское государство служило притягательной силой для политиков как с Востока, так и с Запада. В противостоянии с Востоком россияне были обречены на стратегическое одиночество. Россия в течение почти трех веков принимала на себя основной удар и закрывала Европу от татаро-монгольского нашествия. Иная стратегическая ситуация была в западной политике России. С одной стороны, Россия «закрывала» собой белорусов от восточных набегов, с другой стороны, Беларусь, помимо своей воли, принимала на себя первые удары от непрошенных гостей с Запада. Кто бы и с какой бы целью ни шел на Москву с Запада: немцы, шведы, французы, поляки – все они неизбежно оставляли «следы» не только на земле, в материальной культуре, но и в духовной, нравственной, мировоззренческой культуре белорусов. Точно также как и гости (как званые, так и незваные) не уходили домой бесследно: они уносили с собой не только военные, материальные трофеи,

но и часть белорусской духовной культуры. Таким образом, история распорядилась так, что Беларусь, в том числе и без ее согласия, в течение столетий являлась местом, где «притирались», адаптировались друг к другу две культуры – восточная и западная. Воздействие собственно восточных и западных культур на белорусскую культуру было, как правило, военно-агрессивным, но сравнительно непродолжительным и малоэффективным. Это обуславливалось одной из важнейших черт белорусского менталитета – сильным внутренним защитным иммунитетом против его насильственного «окультуривания». Воистину всенародное партизанское движение в Беларуси во время Великой Отечественной войны – подтверждение этому. Иная ситуация складывалась во взаимодействии белорусской культуры с великорусской и польской культурами. В разное время различные части Беларуси входили в состав Киевской Руси, Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза. В составе этих государственных образований белорусы находили защиту и возможность как для самовыражения, так и восприятия достижений материальной и духовной культур своих более мощных славянских соседей.

В исторической ретроспективе можно по-разному оценивать значение как русификации, так и вестернизации, в том числе полонизации и германизации, для духовной и материальной культуры современной Беларуси. Можно сколько угодно долго рассуждать о том, что было бы, если бы... Случилось то, что случилось. Мы живем в совершенно конкретной заданности: последствия влияния соседних культур, даже если они и были далеко не мирными, необратимы, они давно «вплелись» в структуру этнического, а затем национального самосознания белорусского народа, стали неотъемлемой частью белорусской культуры, белорусского менталитета.

Находясь в постоянном взаимодействии с Востоком (Россией) и Западом (Польшей), белорусский этнос вырабатывал свои специфические восточно-западные, присущие только ему, характеристики. Поэтому все попытки отнести белорусский этнос только к Востоку или только к Западу обречены на трагическое разочарование. Такой драматичностью наполнено эссе И. Абдираловича «Адвечным шляхам», изданное в 1921 году в г. Вильно. Отметим, что время издания эссе пришлось на один из самых трагических периодов в истории белорусского этноса. В это время в результате мирного рижского договора значительная часть восточной территории Беларуси вошла в состав Российской Федерации, западные белорусские территории вошли в состав Польши. Территория Беларуси состояла практически только из территории Минской губернии. Беларусь действительно оказалась расколота на «Восток» – Россию и «Запад» – Польшу. Исходя из вышеизложенного, И. Абдиралович ретроспективно рефлексировал, что «мы, беларусы, вагаліся паміж двума

культурнымі тыпамі, няведаючы, да якога прытуліцца. Нам падабалася ўсходняя прастата, шчырасць, адпаведнасць выгляду нутранай сутнасці, якія вызначаюць чалавека ўсходу. Калі ен добры да няго, дык можа палажыць за яго сваю душу; калі ен кажа, што любіць, дык не зробіць ніякае прыкрасці... Гэта грунтоўная рыса ўсходу нам вельмі падабалася, але ўгледжваючыся ў жыццёвыя абставіны, мы прыкмецілі, што правесці ёе цалкам у жыцці – немагчыма» [1, с. 15].

Альтэрнатывой восточному, великорусскому вектору с его максимализмом, И. Абдиралович выстраивал западный, польский вектор с его либерально-демократическими ценностями. «Заходняе цвярозае пачуцьце здавалася нам зусім адпаведным да сапраўдных абставін жыцця. З гэтага пачуцьця выплывае зах.-эўрапэская цярпімасць да розных кірункаў людскай думкі і яе праявіў, з гэтага вынікае і тое вельмі прыемнае асабістае захаваньне заходняга эўрапейца, якое сваёй далікатнасьцю так адзначае яго ад простага і грубага ўсходу...

Ен прынес нам найлепшыя ідэі: гуманістычныя, ліберальныя, дэмакратычныя, але разам с пэчнымі словамі заўседы змяшчаліся гвалт духоўны і эканамічны, эксплеатацыя, уціск, зьявага. Пэклія словы і благія дзеі неяк дзіўна і незразумела для нас ўжываліся ў заходнім жыцці» [1, с. 15-16].

Некорректная формулировка проблемы альтернативного выбора между «душевым, но простым и грубым» Востоком и «гуманистичным, но расчетливым и эксплуататорским» Западом привела И. Абдираловича к драматическому выводу, что «жыцьце вымагала сінтэзу, згарманізаваньня абодвух кірункаў, але гэта, як убачым, зрабілася немагчымым» [1, с. 15].

В этой связи следует отметить, что, не разделяя взглядов А.Ф. Рогалева по поводу нединамичности, пассивности белорусского этноса, нельзя не согласиться с ним в том, что как русификация, так и полонизация белорусов, в конечном счете, способствовала «сохранению белорусами своей этнической самобытности. Импульсы с Запада и Востока, из Европы и Руси-Евразии, объективно уравновешивая, нейтрализуя в определенном смысле друг друга, создавали тот необходимый «микроклимат», который и обеспечивал существование Беларуси на протяжении семи веков на стыке двух миров. Беларусь всегда была открыта и Западной Европе, и России, поэтому и сохранила себя как культурная этническая и политическая целостность» [31, с. 243]. Во-первых, при отсутствии динамичности, неактивности белорусы не смогли бы сохранить свою целостность. Полагаю, что автор здесь, скорее всего, непредумышленно произвел подмену понятий *активность* и *агрессивность*. Белорусский этнос действительно никогда не был агрессивным, но «памяркоўная» активность, способность не инициировать активные конфликты совсем не эквивалентна пассивности и покорности. События Великой Отечественной войны, когда вся Беларусь стала

«партизанской» республикой, более чем достаточная доказательная база конструктивной активности белорусского этноса. Во-вторых, Беларусь не только сохранила свою целостность и самобытность, находясь под влиянием двух миров – Европы и России-Евразии, но и сами эти миры смогли пережить страшные времена средневековых межэтнических, межконфессиональных и межнациональных катаклизмов в значительной мере и благодаря *неагрессивной активности* белорусского этноса. Именно благодаря своей неагрессивности, толерантности белорусский этнос выполнил свою важнейшую миссию мягкого размежевания и, вместе с тем, непрекращающихся интеграционных процессов между европейскими Востоком и Западом.

Для Беларуси, располагающейся на пересечении культурно-цивилизационных осей «Север – Юг» и «Восток – Запад», одним из существенных факторов формирования этноса и менталитета явилось непрекращающееся *межэтническое взаимодействие*. Варяги, французы, немцы, татары – кто бы и куда бы не двигался с европейского севера на юг или с юга – на север, с европейского запада – на европейский восток или с востока – на запад, все оставляли свои следы в культуре белорусов. Но основные национальные характеристики белорусов сформировались в процессе взаимодействия с этносами, с которыми белорусы делили свою территорию, и с этносами-соседями.

Следует подчеркнуть, что в силу природно-географических и геополитических условий белорусы меньше других восточнославянских этносов подверглись ассимиляции. «Белорусское племя искони занимало ту самую территорию, на которой оно живет и поныне... Никакие иные народы никогда не занимали этой территории. Таким образом, белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа» [12, с. 25]. По оценкам этнографов, «белорусы представляют собой едва ли не самый чистый тип славянского племени. Это объясняется тем, что белорусское племя в своем историческом прошлом не сливалось с другими народностями, тогда как великоруссы, занимая земли финских племен, смешивались с ними, а малорусское племя представляет собой очень пеструю смесь древнерусских племен с тюркскими народностями. Белорусская народность никогда не подвергалась завоеванию неславянского племени... Слияние с Литвой, а затем с Польшей не могло повлиять на изменение белорусского типа, так как и из Литвы, и из Польши переходило в русские земли исключительно дворянство, притом, вообще в небольшом числе» [32, с. 137].

Следует отметить, что «чистота» древневосточнославянского этноса обеспечивалась, в первую очередь, на территориях Беларуси, не граничащих с территориями славянских этносов. На границах проживания с однокоренными восточнославянскими этносами ситуация менялась. Самой трудноопределяемой, с точки зрения этнической идентификации, была восточная граница, разделяющая территории расселения

великорусского и белорусского этносов. Условной природной границей, разделяющей великоруссов и белорусов, была водораздельная территория между бассейнами Волги и Днепра. «...Этот водораздел именно тем и замечателен, что представляет точную границу между двумя встречными племенами. Здесь произошла встреча в давние, незапамятные времена расселения славянских племен по обширным равнинам Русской земли. Здесь совершилось то любовное размежевание и остановка поступательного движения одновременно с запада и востока или в то время, когда запоздалые надвинулись на места прибылых. В сущности естественных преград, в смысле указания на прямые границы, тут не было: ни высоких гор, ни обширных болот и озер, ни тех непролазных лесов, которые владеют, между прочим, замечательным свойством делаться естественными племенными границами» [15, с. 441]. «Размытость», а точнее отсутствие какой-либо естественной природно-географической границы территорий проживания великоруссов и белорусов (особенно в северо-восточной части Беларуси), предопределяла трудность этнической идентификации. Указанная закономерность подтверждает концептуальное положение Л.Н. Гумилева о том, что «там, где границы между ландшафтными регионами размыты и наблюдаются плавные переходы от одних географических условий к другим, процессы этногенеза будут менее интенсивными» [7, с. 192]. В том числе и по указанной причине идентификация белорусского и великорусского этносов представлялась труднореализуемой. «Православное великорусское население восточной окраины Витебской и восточной половины Смоленской губернии сильно смешивается с белорусским, представляет мало типических черт, составляет переход от белорусских к псковским, московским и калужским великоруссам» [32, с. 202]. Отсутствие природно-географических границ, разделяющих однокоренные великорусский и белорусский этносы, сформировало особую доверительную форму отношений между белорусами и великорусами.

Следует подчеркнуть, что формирование белорусского этноса, по крайней мере, его восточного сегмента (восточные районы современных Гомельской, Могилевской и Витебской областей), исторически осуществлялось во взаимодействии с двумя вариантами великорусского этноса. С середины XVII века, после произошедшего «раскола», формально в православной российской церкви, а фактически – в российском этносе, реально существовало два великорусских субэтноса. Как отмечал авторитетный исследователь русского этноса Л. Гумилев, «неконструктивный, а потому непримиримый церковный ритуально-обрядовый спор между партиями Никона и Аввакума на самом деле «выражал раздвоение русского этноса, с последующим выделением субэтноса старообрядцев» [7, с. 280]. (Выделено мною, В. К.).

После трагического для великорусского этноса раскола часть ревнителй старой веры сначала выселилась на западные рубежи Российского государства. «В первые десятилетия раскола основная масса старообрядцев-поповцев устремилась к расселению по двум направлениям: на Дон и в Черниговский край – в район Стародубья» [19, с. 61]. Вместе с московскими беглецами под Стародуб последовали приверженцы «старой веры» из Костромы, Калуги, Орла, Великих Лук, Ярославля, Вязьмы, других мест. Ими вокруг Стародубья были построены слободы Понуровка, Семеновка, Злынка, Зыбка (нынешний Новозыбков). После очередной неудачной попытки вернуть непокорных беглецов на свои прежние места проживания, часть ревнителй старой веры перешла польскую границу и обосновала свои поселения на берегу Сожа и свою раскольничью «столицу» Ветку.

Великорусские старообрядцы, сохранившие вместе со старыми церковными обрядами и древневосточнославянские алгоритмы социальных и производственно-хозяйственных отношений, оказали существенное влияние на формирование белорусского этноса. «Старообрядцы-великоруссы белорусских губерний резко отличаются от соседних народностей, сохраняя свой национальный тип, язык и приверженность к «старой вере». И это понятно, так как они не сливаются со своими соседями». Именно эти «островки» дореформенной самобытной «раскольничей» старовосточнославянской культуры оказали благодатное влияние на формирование рационально-деятельных характеристик культуры белорусского этноса.

Одной из сфер деятельности старообрядцев белорусских губерний была торговая и ремесленная деятельность, которую они успешно делили с евреями. По утверждению очевидцев, «из старообрядцев выходят очень дельные торговцы, иногда весьма богатые, и ремесленники; многие занимаются подрядами. Ведя трезвую жизнь, отличаясь природной сметкой, физической крепостью, имея опору в случае материальной нужды у своих единоверцев, старообрядец является прекрасным работником, торговцем и подрядчиком, заслуживающим всеобщее доверие. В западном крае относятся к старообрядцам с большим уважением как к деловым людям, хотя и не всегда их долюбливают. По сравнению с торговцем и ремесленником-евреем старообрядец отличается гордостью и недоступностью. Он не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене и, раз назначив цену на товар, неохотно ее сбавляет, старообрядец-торговец столь же неохотно открывает мелкий кредит. Во всех этих отношениях еврей податливее. Впрочем, несмотря на конкуренцию евреев, старообрядцы очень хорошо устраивают торговые и ремесленные дела» [32, с. 206]. (Выделено мною, В. К.).

Неоценимый вклад внесло старообрядчество в образовательную культуру восточных белорусов. Ветка – «столица» российского старообрядчества – вместе с прилегающими к ней слободами была известна как значимый центр иконописи и книгопечатания. Ветковские иконо- и книгописцы были известны и желанны во всем старообрядческих общинах Российской империи. По существовавшим в старообрядческих общинах нормам грамоте обучались все сословия, причем, не только мальчики, но и девочки. Существенным было также и то, что образование у старообрядцев было по своей сути внегосударственным. Обучение грамоте, в том числе и сельских детей, осуществлялось по собственной инициативе старообрядческих общин и на их же деньги. При монастырях и церквях создавались школы грамоты. Кроме грамоты, специальные учителя, переходя из одной слободы в другую, давали детям первоначальные профессиональные знания.

Следует подчеркнуть, что в отличие от западноевропейских индивидуалистических моделей поведения, старообрядческие поселения сохраняли древневосточнославянские алгоритмы общинной жизнедеятельности. «Попав в старообрядческую общину, человек оказывался в особой системе, которую сплачивал мощный стержень – единоверие... Постоянное спасение от репрессий и стремление выжить выдвигало из рядов общины наиболее способных личностей, которым доверяли не только отправление культа, но и казну. Так появились купцы-миллионеры, которые обязаны были заботиться о благосостоянии своих единоверцев. Приходилось налаживать свое производство, сбыт товаров, торговые связи и связи с правительством. Вся эта деятельность выявляла в людях предпринимательские качества, которые впоследствии помогли им крупно обогатиться. *...Экономическая активность старообрядцев сыграла историческую роль огромной важности, а именно, ту же миссию, что и протестантизм* [43, с. 88]. (Выделено мною, В. К.).

Старообрядчество за два с половиной столетия своего присутствия в Беларуси оказало несомненное позитивное воздействие на формирование рациональных производственно-хозяйственных и культурно-бытовых отношений среди жителей Восточной Беларуси. По сути дела, старообрядчество на востоке Беларуси оказывало на рационализацию производственно-хозяйственной и культурно-бытовой жизни влияние, сопоставимое по степени с влиянием, которое оказывали поляки и полонизированные шляхтичи на западе Беларуси. Несмотря на то, что полонизированная шляхта и старообрядцы практически не взаимодействовали между собой, историки зафиксировали у них много общего.

Взаимодействие и размежевание белорусского этноса с *малороссийским* (украинским) осуществлялось на южных границах. Особенностью

южных границ размежевания белорусского этноса с малороссийским этносом было то, что они проходили по полесским болотам. «Именно здесь, в Пинском Полесье, там, где оно входит в Гродненскую губернию и составляет естественную и действительную границу двух племен, малороссийского и белорусского, в особенности характерно выразилось в народах разумею племенной разницы... То же самое повторилось и на Днепре, где южнее Гомеля, близ устья Припяти, кончается север Украины и начинается южная граница белорусского племени. Народ здешний также нечто среднее, отставшее от одного и не приставшее к другому» [15, с. 440]. С точки зрения этнологии, уверенно отнести приграничное население к белорусскому и украинскому этносам не представлялось возможным. «... На юге и юго-западе Минской губернии весьма заметны следы скрещивания малорусского и белорусского племени» [32, с. 137]. К примеру «...крайний юг Речицкого уезда населен типичными белорусами, но в заприпятской части Мозырского уезда встречаются села с населением малорусского типа, хотя и говорящим по-белорусски. Этот смешанный тип учащается с приближением к границам Пинского уезда и переходит на север от Припяти, протягиваясь по северной окраине этого уезда к Гродненской области» [32, с. 138].

Жизненные условия, «кормящий» ландшафт Полесья существенно отличались от среды обитания других субэтносов, образовавших белорусский этнос. Взаимосвязь ландшафтной территории с полесскими обитателями была столь существенной, что население получило устойчивое название *полешуков*. Это название жителей Полесья долгое время употреблялось в качестве идентифицирующего и противопоставляющего *белорусам*. В этой связи следует отметить, что, несмотря на существенные культурные, бытовые отличия, полешуки были одним из субэтносов, образовавших белорусский этнос. Зафиксируем, что мы солидарны с позицией М.Ф. Пилипенко в той части, что «территория современной Беларуси в общевосточнославянский период, наряду с другими восточнославянскими землями, называлась Русью, а в пределах Руси на юге называлось Полесьем, а на севере – Белой Русью» [27, с. 129].

Природно-климатические и социокультурные условия Полесья селектировали особенный социопсихотип полешуков, главной отличительной особенностью которых являлось естественное стремление к гармонизации отношений всех со всеми: индивида с социумом, индивида и социума – с природой. В качестве базового алгоритма для полешука была настроенность на поиск компромисса с людьми: как с ближними, так и с дальними. Выработанный веками алгоритм гармонии, согласия был главным и во взаимоотношениях с природными силами. Водяные, лешие, домовые для полешуков были хоть и коварными, но скорее «своими», чем «чужими». «Жизнь этих людей, обреченных на вечную борьбу с природой и умеющих, однако, побеждать те жизненные препоны и затруднения,

которые им ставит на пути эта природа, должна была сложиться иначе, нежели у их соседей. Она выработала особые черты, взгляды, понятия, выработала безо всякого постороннего влияния науки, школы, даже живого слова, доходящего до слуха полешука только в исключительных случаях. ... Полешук религиозен, набожен, любит обрядность; но он не мог отрешиться от унаследованных в течение многих столетий суеверий, предрассудков и того поэтического настроения, которое сохранялось у него во взглядах на жизнь и атмосферические явления, присущих праотцам его еще во времена язычества» [15, с. 345].

На северо-западных границах формирование белорусского этноса, его менталитета и культуры происходило в тесной взаимосвязи с *балтскими этносами*. Балтское население в свое время получило достаточно устойчивые культурные германские и польские «прививки». Язык литовцев и латышей также существенно отличался от восточнославянских. В отличие от белорусов, в большинстве исповедующих православие, на территории балтских этносов были распространены католическая и протестантская версии христианства. Все это и предопределило толерантные, уважительно-соседские, но не ассимилирующие отношения белорусов со своими северо-западными соседями. Самым заметным и самым существенным звеном в межэтническом взаимодействии с балтскими этносами было белорусско-литовское взаимодействие. Длительное время находясь в составе одних и тех же государственных образований – Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а затем и Речи Посполитой, белорусский и литовский этносы формировались не только в похожих природно-географических, но и в сходных государственно-политических условиях.

Имеющие близкородственные индоевропейские корни, белорусы и литовцы внешне были похожи друг на друга. «*Литовцы*, с редкими исключениями, имеют волосы белокурые, в юности совершенно белые, доходящие почти до цвета жемчуга; в среднем возрасте и в старости волосы темнеют, но никогда не переходят в рыжий цвет. Глаза у большинства голубые. Нос большей частью античный, в прямой линии с челом. Лицо и тело цвета совершенно белого. Вообще настоящий литовец физиономией разнится от белоруса, у которого черты более мужественные, волосы большей частью темного цвета, также и глаза. Женщины литовские отличаются приятной наружностью, ... славятся своей красотой. Правильные черты лица, голубые глаза, белокурые волосы, гибкий стан отличают их от белорусских женщин, хотя между последними также много красавиц» [15, с. 25]. Литовцы, так же как и белорусы, имеют средний рост от 156 до 173 см. Хотя встречаются и выше [15, с. 25]. Одежда у литовцев и белорусов была почти одинаковая. Поверх рубахи литовцы, так же как и белорусы, носили короткие свитки из белого холста, осенью и зимой – сермяги из серого сукна и полушубок.

Так же как и у белорусов, основным занятием литовцев была сельскохозяйственная деятельность. Литовцы «кроме земледельства, скотоводства, огородничества, пчеловодства и т. п. вообще земледельческих занятий, являются чернорабочими при рубке леса, в речном сплаве, землекопами на железнодорожных постройках и, наконец, работниками на фабриках и заводах, оставляя ремесленность, особенно развившуюся в городах и местечках области, мелкую торговлю в руках евреев» [15, с. 225]. У литовцев так же, как и у белорусов, сельскохозяйственная деятельность носила не только производственный, но и сакральный характер. Все важнейшие сельскохозяйственные работы непременно сопровождались соответствующими обрядами. Конец сельскохозяйственного года – сбор урожая, жатва были наполнены сакральным смыслом. «Из всех сельских занятий жатва – самое уважаемое и любимое. На жатву все спешат охотно, а по ее окончанию, не только крупные землевладельцы, но и более зажиточные крестьяне совершают *дожинки*, почти одинаково, как у литовцев, так и белорусов. ... После угощения, в котором, конечно, водка играет главную роль, является деревенская музыка, зажигаются костры, песни и пляски продолжаются до глубокой ночи» [15, с. 25].

Мировоззрение литовцев, сформированное под влиянием девственной природы, схожей с белорусской, в очень сильной степени было природно-языческим. Так же как и у белорусов, христианство у литовцев было удивительным образом переплетено с язычеством. В реальной духовной жизни у литовцев «прежние идолы, прежние праздники применялись к христианским, получали новое название, и этим довольствовались. Народ, напр., чтит вербу, в которую, по преданию, обратилась богиня плодородия, окружал ее и поклонялся ей. Духовенство повесило икону на вербе, и народ продолжал молиться перед нею. Духовенство радовалось, что молятся перед иконой; народ радовался, что не запрещают молиться перед вербой» [15, с. 33].

Несмотря на то, что в своем большинстве белорусы исповедовали православие, а литовцы – католицизм, нахождение в составе единого государственного образования, постоянные межэтнические контакты сформировали у белорусов и литовцев идентичные христианско-языческие обряды и ритуалы. «Праздничные обряды литовцев имели и теперь имеют много общего со славянскими вообще и белорусскими в особенности. Так праздник Рождества напоминал праздник *коляды*. Новый год праздновали языческим *щедрым вечером*; в день крещения совершались обряды с пирогами; Пасха Христова напоминала шумное празднество *волочения*; в Георгиев день шумное, веселое празднество в поле с плясками, песнями, играми; в Троицын день завивали венки; в день Рождества Иоанна Предтечи скакали через огонь; в день Петра и Павла строили качели ... обряды эти и им подобные имели все знаменья язычества» [15, с. 34].

Не разделяя некоторых выводов Е.Е. Ширяева об особенностях межэтнического взаимодействия белорусского этноса со своими соседями, следует признать объективными его выводы в той части, что «белорусский и литовский народы на протяжении многих столетий жили мирно, составляя единое целое. Власть, армия, столица были едиными. Единство заключалось не только в общей государственности, но и в культуре. Канцлерами и гетманами княжества были литовцы и белорусы. Великие князья имели смешанное литовско-белорусское происхождение. На протяжении многих столетий у белорусов и литовцев была одна судьба. Не случайно в феврале–июле 1919 года ... была образована Литовско-Белорусская республика со столицей в Вильно» [42, с. 18].

За большей частью белорусского этноса, как со стороны великорусского, так и польского этносов, закрепилось название «литвины». Но, следует подчеркнуть, что широко распространенное название центральной части современной Беларуси «Литва», а ее жителей «литвины» носило не социально-этническую, а государственно-политическую нагрузку. На это обстоятельство указывает М.Ф. Пилипенко. «Наименование центральной части «Белой Руси» «Литвой», а белорусов этого региона «литвинами» обусловлено рядом факторов, и, прежде всего, особенностями политической истории населения этого края, а именно, его близостью к центру государства Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а со второй половины 16 в. – Великого Княжества Литовского, которое называлось часто Литвой» [27, с. 109].

Другим балтским этносом, во взаимодействии с которым происходило становление белорусского этноса, были латыши. К концу XIX столетия около 300 тыс. латышей компактно проживало в Витебской губернии. Они были коренными жителями Подвинья, раньше белорусов пришедшими на эти земли. Культура, быт, уровень благосостояния и тип хозяйственной деятельности белорусских латышей в значительной степени совпадали с культурой, бытом, благосостоянием и типом хозяйственной деятельности белорусов. Внешние черты «латыша весьма близко подходят к одноплеменным с ним литовцам и пруссам: он среднего роста, имеет русые волосы, светлые глаза и нередко очень симпатичные племенные черты лица» [32, с. 209]. По описаниям этнографов, латыш, на первый взгляд, так же как и белорус, казался мрачным, неразговорчивым, скрытным. «Но эта самая наружность совершенно изменяется в минуты веселья или откровенной беседы с человеком, которого он уважает и которому верит. Тогда кажущаяся скрытность, недоверие заменяются полнейшей откровенностью, и самая наружность делается приветливою, ласковою. Латыш, так же как и литовец, гостеприимен, нравственен, нрава кроткого» [15, с. 286]. Так же как и белорусы, латыши отличались гостеприимством, кротким отношением с окружающими.

Большинство витебских латышей были католиками и протестантами. В том числе и по этой причине взаимовлияние белорусского и латышского этносов было сдержанно-толерантным. И, тем не менее, оно имело место. «Чем ближе к белорусским поселениям, тем заметнее изменяется общий вид латышского поселка. Лифляндский латыш предпочитает селиться особняком; витебские же латыши живут, как и белорусы, небольшими селениями» [32, с. 209].

Одежда латышей мало чем отличалась от одежды соседей-белорусов: была столь же проста и незатейлива. Но под влиянием католицизма, более строгого к соблюдению торжественности церковных обрядов, выходная одежда латышей была более праздничной и изысканной, чем у белорусов. «В праздник латыш идет в костел в длиннополом суконном кафтане и в шляпе с широкими полями. Женщины в праздник одевают цветные платья со складками, цветной корсаж и на голову косынку, из-за которой у девушек свешивается коса. Таким образом, *праздничный костюм у латышей дороже, наряднее и затейливее, чем у соседей-белорусов*» [32, с. 209]. (Выделено мною, В. К.).

В мировоззрении латышей, так же как и их соседей – литовцев и белорусов, христианские начала удивительным образом переплетались с древнеязыческими. Весь уклад их жизни был подчинен установлению гармонии с природой. Основным занятием латышей, так же как и белорусов, был сельскохозяйственный труд. Поэтому «обрядовый и годичный круг празднеств латышской народности сопровождается почитанием аграрных божеств. Очень древние верования сказываются и в тех обрядах, которые сопровождают важнейшие моменты в жизни латыша – рождение, брак и смерть. В родильных и крестильных обрядах большую роль играет «Лайма» – богиня судьбы, доля. Лайма считается покровительницей вообще женщин и в особенности родильниц. Она плетет судьбу человека и в особенности определяет брак женщин» [32, с. 211].

Схожие природно-климатические условия, неагрессивные, пассивно-созерцательные характеристики латышей, литовцев и белорусов, когда ни одна сторона не осуществляла по отношению друг к другу экспансивных действий, вместе с различающимися языками и религиями объясняют тот факт, что, несмотря на мирное многовековое соседское сотрудничество, переходных белорусско-литовских и белорусско-латышских межэтнических образований так и не было создано.

Одним из неславянских этносов, с которыми белорусы продолжительное время делили свою территорию и свою судьбу, были евреи. В отличие от других этносов, взаимодействие с которыми осуществлялось в основном в приграничье, евреи проживали на всей территории Беларуси, вследствие чего одним из важнейших элементов формирования менталитета и культуры белорусского этноса была еврейская культура, «с которой также нужно считаться как с одним из

важнейших этнографических и культурно-исторических элементов области» [15, с. 232]. Не вдаваясь в подробности политических коллизий, в результате которых евреи были вытеснены из Южной и Западной Европы на территорию Беларуси, отметим, что последние здесь нашли достаточно комфортные условия. «Племена, которые в силу исторических причин попадали в среду белорусов в более или менее значительном количестве, не подвергались ассимиляции и сами не подвергали ассимиляции белорусов. Таковы евреи» [12, с. 25]. Толерантным белорусам импонировали многие положительные национальные качества новых соседей. «Еврей всегда трудолюбив, настойчив, изворотлив, всегда способен попробовать счастье в каком-нибудь новом предприятии, легко передвигается из одного места на другое в поисках работы или прибыли; он очень осведомлен благодаря еврейской сплоченности... Наконец, еврея нельзя упрекнуть в расточительности, так как скупость и расчетливость составляют основную черту его характера; среди евреев наконец нет и пьяниц» [32, с. 224].

Белорусы, приоритетным занятием которых было земледелие, торговлю и ремесло практически полностью уступали евреям. «Большая часть промышленности и торговли Беларуси находится в их руках. Ни поляк, ни белорус не проявляют такой склонности к торговле и ремесленным занятиям. Поэтому занятия торговлей, промышленностью и ремеслами почти монополизированы в руках евреев» [32, с. 223-224]. Национальные особенности, многовековые традиции евреев сделали их «эталонной» нацией в торговом ремесле. Поэтому «привести еврея в коммерческом деле считается у нееврейского населения верхом сообразительности и удаётся лишь в исключительном случае» [15, с. 224]. Евреи, в отличие от старообрядцев, с которыми они зачастую делили торговую деятельность, занимались в основном розничной торговлей. При этом еврейские торговцы, в отличие от тех же старообрядцев, проявляли большую гибкость, охотно открывали мелкий кредит.

В целом, белорусы и евреи обладали различающимися, но не антагонистическими, а скорее взаимодополняющими ментальными характеристиками, которые по определению Л. Гумилева и обеспечивали их комплиментарность, этническую совместимость. «Еврейский вопрос» – некорректное закрепившееся в литературе понятие, в Беларуси не был актуальным. На самом деле, при обострении «еврейского вопроса» фактически речь шла о негативной оценке практики некоторых самых богатых евреев ссужать деньги под проценты, «в рост». В отличие от других мест проживания евреев, в Беларуси «еврейский вопрос» не возникал, в том числе и по той простой причине, что крупных евреев-ростовщиков здесь не могло быть из-за того, что у белорусов потребности пользоваться большими ссудами ростовщиков просто не было. Кроме того, основная масса еврейского населения Беларуси влачила такое же

нищенское существование, как и сами белорусы. Следует также подчеркнуть, что в связи с тем, что средой обитания евреев в Беларуси были в основном города и местечки, то и следы еврейской культуры зафиксированы только в урбанизированной городской и местечковой культуре.

На формирование белорусского этноса существенное влияние оказал близкий по культуре и языку *западнославянский польский этнос*. Западная граница, разделяющая белорусский и польский этносы, была наполнена сложными, интенсивными и часто драматическими событиями. Поляки во взаимодействии с германцами раньше восточных славян получили достаточно устойчивые западноевропейские культурные «прививки». Западноевропейские архитектура и градостроительство, музыка, живопись, агротехника в земледелии, рационализированные товарно-денежные взаимоотношения – все это польский этнос усвоил раньше восточнославянских этносов. Будучи проводником более активной, чем православие, католической версии христианства, более сильные западославянские соседи постоянно стремились к религиозной экспансии на Восток. Интенсивному процессу проникновения польской культуры и языка в культуру и язык белорусского этноса послужили такие политические события, как заключение союза между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и Польским Королевством (Кревская уния 1385 года) и последующее объединение этих государств в единое мощное федеративное государство Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 года). Политическая интеграция западных и северо-западных соседей существенно ослабила русскую (белорусскую) составляющую в новом государственном образовании. В конце XVII века на территории Беларуси польский язык был введен в качестве государственного [27, с. 62].

После создания единого польско-литовского государства – Речи Посполитой, для освоения и закрепления новых территорий польское правительство систематически переселяло на земли Литвы и Беларуси своих подданных. «Поляки, землевладельцы и вообще дворяне, бывшие чиновники, учителя, артисты и другие лица, преимущественно из привилегированных сословий, живут по деревням и в городах. К ним также принадлежат однодворцы и граждане из польской шляхты, не доказавшие прав своих на дворянство. В городах, как губернских, так и уездных, а равно в местечках, мещанское христианское сословие принадлежит также к полякам, как усвоившие польский язык и большею частью признавшие себя поляками» [15, с. 284].

К концу XIX века значительная часть городского и местечкового населения Западной Беларуси в той или иной степени была полонизированной. Значительная часть западных белорусов собственную самоидентификацию производила по религиозно-конфессиональному признаку (мы – католики). Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую

часть населения которых составляли поляки, евреи и полонизированные белорусы. Городская культура Центральной и Западной Беларуси во второй половине XIX века по преимуществу была польской. «Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания – общий народный характер города чисто польский. Разговорный общеупотребительный во всех слоях общества язык – польский. В западных губерниях мерилom национальности могут служить евреи. В Витебске, в Могилеве, где русский язык господствующий – евреи по польски почти совсем не говорят; в Минске же, также как в Вильно, Гродно и Ковно все евреи очень хорошо говорят по польски» [15, с. 361].

Активными проводниками польской культуры в Беларуси было *шляхетское сословие*, в своем большинстве состоявшее из воспринявших польскую культуру белорусов. Как правило, они проживали обособленно, в *шляхетских околицах и застенках*. Основную массу белорусских шляхтичей составляли так называемые *панцирные бояре*. В польско-литовском государстве они представляли военно-служивый класс низшего разряда. Система панцирного боярства, по сути дела, была аналогом российского казачества. За службу в пехотных, т. н. *панцирных войсках*, им раздавались небольшие участки земли, преимущественно на восточных землях Речи Посполитой. Таким образом, на восточных окраинах Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были образованы целые поселения панцирных бояр, в которых «шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями. Ряд таких селений встречается в Мстиславском уезде: ряд шляхетских деревень идет по *Сожскому* водоему; такими же деревнями усеяно течение реки *Друти*. В Минской губернии шляхетские поселения большими группами находятся в Новогрудском, Игуменском и Слуцком уездах» [32, с. 202].

Шляхтичи, также как и крестьяне, свою жизнь обеспечивали сельскохозяйственным трудом, но в отличие от крестьян были освобождены от крестьянских повинностей. Чем очень гордились. После раздела Речи Посполитой, в результате чего Беларусь вошла в состав Российской империи, кроме незначительной части, сумевших доказать свое дворянство, панцирные бояре были переведены в разряд государственных крестьян или мещан. «Указом 1866 года панцирные бояре были переданы в ведение общегубернских по крестьянским делам учреждений, а указом 27 марта 1873 года панцирные бояре сливались с городскими и сельскими обывателями. Сами же бояре, сидевшие на земле, приобретали права крестьян-собственников. Безземельные приписывались к городскому сословию» [28, с. 82].

На территории Беларуси «было много мелкой шляхты, так называемой *загоновой* или *застенковой*. Это был или безземельный люд, или же шляхта, сидевшая на собственной или арендованной земле, в размере, не превышающем хорошего крестьянского надела. Это были люди бедные или необразованные, не могшие и не желавшие нести

правительственную службу. Быт этой бездомной шляхты не напоминал быта дворянства, а шляхетские права ее были более чем сомнительны. ... В Могилевской и Витебской губерниях местный генерал-губернатор насчитывал до 20 тыс. мелких дворян, которые сами занимались хлебопашеством или арендовали землю, или служили писарями или приказчиками» [12, с. 309].

По своему материальному благополучию и источникам доходов шляхтичи, утратив свои привилегии, мало чем отличались от белорусских крестьян. Одни из них «живут на собственных крошечных участках земли, другие поселены на казенных или владельческих землях. Плохая избенка, такие же, большей частью, как и у крестьян, лапти, из такой же домашней выделки сукна одежда, но сшитая иначе, с высоким стоячим воротником, с разными тесемками, шнурками и пуговками и называемая *капота*, в отличие от сермяги: жизнь бедная, трудовая» [15, с. 25-26].

Несмотря на то, что к концу XIX столетия бывшие шляхтичи юридически ни чем не отличались от белорусских крестьян и мещан, тем не менее, они дистанцировались от крестьян, неохотно смешивались с ними. Культура, быт, манеры поведения бывших шляхтичей отличались от культуры и быта коренного белорусского населения и были смешением белорусских и польских культур и языков. «Бывшую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка. Громадное большинство шляхты исповедывает католичество, меньшинство – православие. Польское влияние отразилось на одежде и привычках шляхтича. Шляхтич сбривает бороду, одевается в черный или серый суконный кафтан, на голове носит картуз свободного покроя. Шляхтянка носит кофту и юбку из ситца, одевается в пальто старинного покроя. Хата шляхтича в общем сходна с белорусской; отличается она от последней большим размером и тем еще, что имеет чистую горенку. В горенке найдется голландская печь, стены оклеены обоями, или оштукатурены и выбелены, на стенах висят лубочные картинки и зеркальце. Нечего говорить о том, что шляхтич не чуждается предметов городской обстановки: самовар, керосиновая лампа, фаянсовая посуда и другие предметы обихода, ситец, фабричное сукно и т. п. составляют необходимое дополнение деревенских изделий» [32, с. 201].

Быт, уклад жизни бывшей шляхты характеризовался смешением панского, господского уклада жизни с крестьянским. Память о прошедших временах не давала возможности шляхтичам «опуститься» до уровня крестьян. Шляхтич «и при грязной избе, в которой у него также живут свиньи и птица, старается пристроить горенку..., окна украшает бальзаминами, гортензией, геранью; дочерям и жене покупает перчатки; шляхтенки одеваются в белые, как снег, юбки, в белые кофточки или рукава

и в праздничное время распускают зонтики; но на дворе грязи не чистят, в избе полов не настилают, ходят по земляному» [15, с. 467].

В целом, общая культура, быт, профессионализм шляхтичей, в той или иной степени усвоивших польскую культуру, отличались от крестьянских быта и культуры. Исследователи белорусского этноса сходились во мнении, что белорусская шляхта, вне сомнения, сыграла положительную роль в прозападном окультуривании быта, культуры, в т. ч. агротехники белорусского этноса.

Таким образом, несмотря на сложные, порой драматические отношения между белорусским и польским этносами, следует отметить, что, благодаря белорусско-польскому взаимодействию, белорусы раньше великорусского этноса освоили многие элементы западноевропейской культуры. Почти столетие спустя после официального включения белорусских территорий в состав России и соответствующего изменения официального культурного вектора с польского на русский, представители официальной российской науки констатировали, что «продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области (Гродненской, Виленской и Ковенской губерний – (выделено мною, В. К.) – во время ее единения с Польшей дало этой области такие культурно-исторические элементы и черты, которые не могли исчезнуть, испариться в одно столетие и не могут быть уничтожены искусственно. Польское или ополячившееся дворянство и даже мелкое шляхетство со своим родным языком, находящим точку опоры в богатой и дорогой каждому поляку литературе, со своей религией и историческими преданиями, с высокой для своего времени и достаточно состоятельной культурой, не может быть ни уничтожено, ни даже вытеснено и надолго еще останется одним из важнейших культурно-исторических элементов области» [15, с. 232].

1.3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

В XX-е столетие Беларусь вступала с ярко выраженным аграрным типом хозяйствования. 90 % всего населения, в том числе 98 % этнических белорусов, проживало в сельских населенных пунктах. Вследствие чего *культура, менталитет белорусского этноса к началу XX века были сельскими, аграрными.* «Беларусь прежде всего аграрная страна. От 60 % (в Гродненской губ.) до 85,5 % (в Смоленской) ее

населения, по данным 1897 г., заняты сельским хозяйством... Собственно же белорусы по национальности на 91 % хлеборобы. Таким образом, Беларусь (кроме ее крайнего запада) является наиболее аграрным районом из всех районов бывшей России» [12, с. 437].

По данным 1880 года, в Витебской, Смоленской, Минской и Могилевской губерниях «по *сословиям* население распределяется на две неравные массы, ...преобладающим элементом в области являются крестьяне; они составляют 72 % всего населения в крае, и только остальные 28 % составляют прочие сословия» [32, с. 133]. Кроме крестьян в статистических данных зафиксировано 17,8 % мещан: 7,5 % военного сословия; 2 % – дворянского сословия; 0,3 % – духовенства.

Природно-географические условия, скудность «кормящего» ландшафта не позволяли белорусам концентрироваться в больших селениях. Сельское население Могилевской, Витебской и Минской губерний было рассредоточено в 60 тыс. населенных пунктов. Из них 34 тыс. поселков являлись крестьянскими, 7 тыс. 700 – владельческими усадьбами, 3 тыс. 300 хуторов,

3 тыс. 700 поселков разносословных собственников, 3 тыс. 200 караулов в лесах и вдоль дорог. Среднее крестьянское поселение состояло из 17 дворов, в котором проживало 103 жителя. В каждом среднестатистическом сельском дворе (семье) проживало 6 человек [15, с. 477].

Самые крупные сельские населенные пункты были в Могилевской губернии, где в среднестатистическом сельском поселении проживало 183 человека; в Минской губернии среднестатистический сельский населенный пункт состоял из 142 жителей; в Смоленской губернии – из 98 жителей. Самые малочисленные поселения были в Витебской губернии, здесь в среднестатистическом населенном пункте проживало 58 человек. По величине сельских населенных пунктов и способу ведения хозяйства белорусские губернии делились на «северные» (Витебская губерния как самая мелконаселенная) и «южные» (Минская и Могилевская как самые населенные). «По людности селений рассматриваемая область может быть разбита на две полосы – северную (Витебская и Смоленская губернии, со значительным участием так называемого «моренного ландшафта», и северным типом хозяйства), обладающую наиболее мелкими селениями, и южную (Минская и Могилевская губернии), обладающую более крупными селениями, составляющими по величине переход к Малороссийским» [32, с. 132].

Структура сельских поселений западных губерний отличалась от структуры сельских поселений восточных белорусских губерний более малочисленными поселениями. Здесь сельское население проживало в 50 тысячах поселков. Более половины из них – 26 тыс. представляли крестьянские поселки, 12 тыс. – хутора и околицы, 6,5 тыс. – застенки, 5 тыс. – владельческие усадьбы; 4 тыс. – лесных и других караулов.

Средний крестьянский поселок состоял из 13 дворов; во всех остальных поселениях насчитывалось до 5 дворов. В среднем крестьянском поселении проживало 90 жителей, т. е. в каждом крестьянском дворе проживало чуть более 7 человек [15, с. 477]. Следует подчеркнуть, что Гродненская губерния по плотности населения и величине сельских поселений отличалась от соседних Виленской и Ковенской. В Гродненской губернии на среднее крестьянское поселение приходилось 176 жителей, а в ее юго-восточной части – Беловежской (Слонимском, Кобринском и Пружанском уездах, в которых компактно проживали этнические белорусы) – 203 человека, тогда как в Виленской и Ковенской губерниях в среднестатистическом сельском населенном пункте проживало 72–74 человека [15, с. 222].

Территория, на которой формировался белорусский этнос, обладала минимальными запасами природных ископаемых и не способствовала развитию ремесел и торговли. Поэтому важнейшим способом жизнеобеспечения у белорусов было земледелие. «Белорусы-земледельцы по преимуществу и пахари исключительные, давно уже выговорившие заветное правило: «умирать собираешься, а хлеб сей». На тех землях, с которых великорусы давно уже убежали в отхожие промыслы, эти основывают надежды на существование с упрямством, настойчивостью и постоянством. При этом труд и надежды обращаются на каменистые и песчаные почвы и на такие земли, которые не успели отдохнуть под паром и по нескольку лет не уваживались» [15, с. 455]. У белорусов, осевших на малопродуктивных землях, где даже упорный труд не приносил излишеств, максимуму «бедность – не порок» никто специально не придумывал, она рождена средой обитания.

В условиях рискованного земледелия Беларуси, где всего лишь один недород обрекал на вымирание членов всего рода, любое непроверенное новшество было недопустимым. В силу этой жесткой необходимости крестьянский труд требовал не столько освоения новых знаний, новых технологий, сколько старательного усвоения, повторения уже проверенных временем. Определяя наиболее характерные алгоритмы хозяйственного поведения белорусского крестьянина, М.В. Довнар-Запольский отмечал, что «общий фон хозяйства – это рутина, усвоенная в течение столетий, – агрономические знания покоились на вековой традиции, навыках и особенно на приметах» [12, с. 363]. «Поспешишь – людей насмешишь», «семь раз отмерь, один раз отрежь», «утро вечера – мудренее» – правила не придуманные, но созданные самой жизнью белорусского крестьянина алгоритмы поведения.

Диспропорции в пахотной земле и луговых угодьях, примитивная агротехника не позволяли белорусским крестьянам содержать необходимое количество скота, вследствие чего пашня не получала достаточное количество навоза, урожайность была крайне низкой. Так, при посеве 1

меры зерна урожай озимых составлял: у крестьян Минской губернии – 2,85 меры; Могилевской – 2,35; Витебской – 2,2. И только в Гродненской губернии соотношение посеянного и собранного урожая составляло 1:3,7. «Даже при невысоких урожаях по всей тогдашней России (в среднем сам 4, с колебаниями вверх до сам 10-ти) белорусские губернии занимали последнее место» [12, с. 361]. И только в Гродненской губернии в результате соединения оптимальных природно-климатических условий с прогрессивной агротехникой, перенесенной из Польши, отмечалась более высокая продуктивность сельскохозяйственного труда. На это отличие указывал М.В. Довнар-Запольский. «Наибольший сдвиг в области сельского хозяйства чувствуется в Гродненской губ.: поля обрабатываются прилежно, по заведенному исстари порядку. Впрочем, кое-где вводится плодосмен и даже выписываются сельскохозяйственные машины... тонкорунное овцеводство выражается в крупной цифре 250 тыс. штук. Встречается посев кормовых трав, урожай в имениях достигает сам 10» [12, с. 365].

Сельскохозяйственный труд у белорусов был не только производственным, но и глубоко социальным процессом. Выживание в экстремальных условиях сформировало у белорусских крестьян убеждение в том, что земля, не являющаяся объектом личного труда, не может находиться в индивидуальной собственности. Она является собственностью Бога, и не могла быть подвержена купле-продаже, ибо, по утверждению Я. Купалы, «бесплатна для нас даў зямлю гэту бог!» [18, с. 84] и передал ее для использования мира (общины). Каждый конкретный промежуток времени земля может принадлежать лишь тому, кто ее обрабатывает. Не случайно именно с землей связаны самые интимные восточнославянские мифологемы. Мать-сыра земля, земля-матушка, земля-кормилица, в том числе и потому, что земля воплощает в себе плодородие, женское начало, земляные наделы передавались по мужской линии. Ухаживать за землей, поддерживать ее плодородие, оплодотворять это плодородное начало – не только право, но и обязанность мужчин.

Алгоритмы взаимодействия, взаимопомощи белорусов коренятся в их крестьянском образе жизни. Включенность в природу, зависимость от природно-климатических циклов, необходимость выживания в экстремальных условиях сформировали у белорусов базовые алгоритмы: *жить не вопреки другим и даже не рядом с другими, а совместно с другими; чувство синхронности, необходимости согласования действий* не только в производственно-хозяйственной жизни, но и в бытовой и сугубо личной жизни. Алгоритмы взаимопомощи, взаимообмена, милости к обездоленным, направленные на выравнивание материального достатка, материального положения всех крестьянских дворов общины, зафиксированы в социоцентрической системе координат – «так как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я».

Белорусские крестьяне могли обеспечить свою жизнь только изнуряющей интенсивной трудовой деятельностью. Даже в сравнении со своими ближайшими родственниками – русскими и украинцами – белорус – «это самый трудолюбивый человек, которого скупая почва и природа-мачеха выучили беспримерному терпению, безграничной готовности ко всякой работе, но у него отнялись руки. Он перепробовал многое, но нигде не нашел удачи... природа наделила его слишком мягким и нежным характером» [15, с. 449].

По национально-культурному признаку положение белорусских крепостных крестьян существенно отличалось от положения польских или великорусских крестьян. В большинстве своем в Польше и в России помещики-владельцы крестьян были одной с ними национальности и культуры. В Беларуси, как правило, панями-помещиками были или поляки, или, с XVIII века, русские дворяне. Десятилетия, предшествовавшие отмене крепостного права для крестьян, были трагичными на территории всей Российской империи. Но в Беларуси с учетом «национального вопроса» положение крестьян было самым трагичным. «В Беларуси крепостное право носило какой-то тяжелый характер, удушливый, чувствуется полное отчуждение помещиков от интересов деревни, от всей жизни. Разница религии и культуры отдаляла помещика от его крепостной деревни, и белорусский помещик, скорее всего, напоминает собой южно-американского плантатора. В Великороссии, несмотря на огрубение нравов, все же иногда чувствуется даже в 19 в., в наиболее тяжелую эпоху, некоторая спайка между помещиком и крестьянином, некоторая заинтересованность, по крайней мере, у некоторой части помещиков, в благосостоянии крестьян. В Беларуси и этого не чувствуется» [12, с. 385-386]. И после реформы 1861 года освобожденные от крепостного права белорусские крестьяне оставались «свободными» от земли, частное землевладение оставалось дворянским. Так по данным 1887 года в Минской губернии 93,4 % всех частных земельных угодий принадлежало дворянам. В Витебской губернии дворянство имело 84,4 % частной земли, в Могилевской – 82,3 % частной земли было в собственности дворян [28, с. 89].

В XX-е столетие белорусское крестьянство вступало в крайне бедственном состоянии. Опираясь на военно-конские переписи, М.В. Довнар-Запольский приводит данные, свидетельствующие об общем падении жизненного уровня белорусских сельхозпроизводителей. Данные переписи фиксируют «нарастание процента безлошадных хозяйств, который с 15 % в 1893 г. подымается до 20 % в 1912 г. Безлошадные хозяйства – это уже настоящий деревенский пролетариат. Но мало того, растет в тот же период процент однолошадных хозяйств, т. е. хозяйств пролетарского или полупролетарского типа, возрастая с 39,1 % до 47,4 %.

Процент крепкого середняка тоже несколько снижается, ибо в 1893 г. имеющих две лошади было 25 %, а через 20 лет их оказалось 21,7 %. Редуют

и ряды заможного крестьянства... почти 20 % в 1893 г. имело 3 и более лошадей. Через 20 лет и этот процент снизился наполовину (10,7 %)» [12, с. 438].

Первая мировая война, последовавшие за ней революционные события еще больше усугубили положение белорусского крестьянства. Процесс урбанизации населения, переток сельских жителей в города в значительной степени были predeterminedены крестьянской безысходностью.

В отличие от Центральной и Уральской России, Юго-восточной Украины, где со времен Петровских реформ создавались урбанизированные промышленно-индустриальные очаги, Беларусь вплоть до XX века оставалась ярко выраженной аграрной территорией. Промышленность Беларуси второй половины XIX века все еще не переросла стадию ремесленных мастерских. «То, что тогдашние статистические сведения называли фабриками и заводами, большей частью были только более развитыми ремесленными мастерскими, ибо в среднем на каждую фабрику и завод приходилось всего 5,7 рабочих (данные 1866 г.)» [12, с. 441]. Если же к промышленным предприятиям отнести только те, на которых работало более 10 человек, то «тогда в Беларуси можно было бы насчитать без винокуренных заводов всего 156 фабрично-заводских предприятий с 9,4 тыс. рабочих... Но половину всего этого производства и рабочих приходилось на Гродненскую губернию» [12, с. 441].

Несмотря на то, что общее количество населения Беларуси за последние 50 лет XIX столетия увеличилось вдвое, удельный вес городского населения оставался стабильным. «Столь бедная страна не создала ... условий для развития городского и рабочего классов. 79 городов всех 6 губерний, без многочисленных местечек, которые вообще ошибочно было бы включать в состав городского населения, были населены 400 тыс. жителей, что составляет 7–10 % для отдельных губерний» [12, с. 366].

Самыми крупным из городов был Минск, в котором проживало более 90 тыс. чел. В других губернских городах – Смоленске, Могилеве и Витебске, а также в Двинске проживало свыше 40 тыс., в Гродно, Гомеле и Бобруйске – свыше 30 тыс. населения. Наибольший удельный вес городского, в т. ч. и местечкового населения, был в Витебской губернии – 14,6 %; в Минской губернии в городах и местечках проживало 10,6 % населения; в Могилевской – 8,7 %, а в Смоленской – 7,8 % [32, с. 131-132]. У М.В. Довнар-Запольского данные о городском населении несколько отличаются от указанных выше, но и по его утверждению «города наши росли чрезвычайно слабо. Процент городского населения с 12,1 в 1863 г. пал несколько к концу столетия до 11,5 в 1897 г. и поднялся только до 13,4 % в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации» [12, с. 435].

Динамика роста городского населения Беларуси (в современных границах) характеризуется следующим образом. По переписи населения 1897 года в городах проживало около 650 тыс. человек, что составляло 10 % всего населения; по состоянию на 01.01.1913 г. городских жителей было 990 тыс., а их удельный вес равнялся 14 %; по переписи 1939 года около 1900 тыс. (21 %); на 01.01.1950 в городах проживало около 1600 тыс. (21 %); по состоянию на 1960 год городскими были 2600 тыс. жителей, что составляло 32 % населения; по переписи 1970 года в городах проживало 3900 тыс. человек (43 %); по переписи 1979 года городскими были более 5200 тыс. жителей Беларуси, что составляло уже 55 % населения [4, с. 9]. В 1989 году в белорусских городах проживало более 6,5 млн человек, удельный вес городского населения составлял 65,4 %; по переписи населения 1999 в городах зарегистрировано около 7,0 млн человек, что составляло 69,3 % всего населения Беларуси [22, с. 16-17].

Следует подчеркнуть, что удельный вес белорусского этноса на территории Беларуси с конца XIX столетия является стабильно доминирующим, «титულным» (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Национальный состав населения Беларуси в XX столетии [3, с. 243]

Годы Этносы	1897	1926	1959	1970	1979	1989	1999
Белорусы	78,2	80,6	81,1	81,0	79,4	77,9	81,2
Русские	4,9*	7,7	8,2	10,4	11,9	13,2	11,4
Поляки	2,3	2,0	6,7	4,3	4,2	4,1	3,9
Украинцы	...*	0,6	1,7	2,1	2,4	2,9	2,4
Евреи	13,7	8,2	1,9	1,6	1,1	1,1	0,3
Другие	0,9	0,9	0,4	0,6	0,8	0,8	0,8

* русские и украинцы – общим количеством.

В соответствии с данными переписи 1897 года удельный вес белорусского этноса на территории современной Беларуси составлял 78,2 %. Удельный вес евреев среди жителей Беларуси составлял 13,7 %; русских и украинцев – 4,9 %; поляков – 2,3 %. Но этнический состав населения белорусских городов существенно отличался от территориального: среди жителей городов белорусы составляли 17,1 %; русские – 16,7 %; поляки – 6,1 %; евреи – 57,5 %. В различных губерниях Беларуси этнический состав городов варьировался, но везде зафиксирована общая закономерность – удельный вес белорусского этноса в городских поселениях был существенно ниже удельного веса всего населения. Так, национальный состав городского населения Виленской губернии выглядел следующим образом: литовцы – 1,8 %; белорусы – 7,6 %; русские – 18,1 %; поляки – 26,6 %; евреи – 43 % [42, с. 95].

Несущественно изменялся этот показатель и в различающихся по величине городах. По данным 1909 года в самом крупном городе Минске в это время проживало 90,9 тыс. человек. Здесь удельный вес белорусов составлял 8,2 %; русских – 34,8 %; евреев – 43,3 %; поляков – 11,4 %; татар – 1,3 %; немцев – 0,8 % [3, с. 249-250]. В бывшей старообрядческой «столице» – Ветке в это же время проживало 10,3 тыс. человек, из которых 3 тысячи ($\approx 29,0$ %) относили себя к христианам (старообрядцам и православным), а 7,3 тыс. человек ($\approx 71,0$ %) – к иудеям [25, с. 87]. По данным переписи 1926 года белорусы в общем составе населения составляли 80 %; русские – 7,7 %; поляки – 0,1 %; евреи – 8,2 %. Городское население, по-прежнему, было полиэтничным. От 40 до 60 % населения белорусских городов составляли евреи [6, с. 343].

Урбанизация, рост городов и городского населения Беларуси сопровождалась целым шлейфом социокультурных последствий. Поскольку города прирастали за счет сельского белорусского населения, рост численности городского населения сопровождался их «белорусизацией». В результате происходило в своей основе плодотворное «смешение» двух типов культур – городской полиэтничной и сельской белорусской. Белорусский этнос, с одной стороны, осваивал сложившуюся к началу XX столетия полиэтничную городскую культуру, с другой стороны, белорусы – выходцы из села делали «прививки» сельской культуры в городскую. Горожане в первом поколении не могли в одночасье оставить крестьянские обычаи, традиции, свой образ жизни. Приусадебный участок, домашняя животноводческая «ферма», сельские общинные отношения – все это стало естественными городскими атрибутами. В результате «смешения» полиэтничной городской и сельской белорусской культур формировалась новая, отличная и от городской, и от сельской синтетическая культура. Изменение национально-этнического состава городов, увеличение в нем доли белорусского населения изменяло и «лицо» городов Беларуси.

Существенную социокультурную трансформацию города Беларуси претерпели в результате военных действий и оккупации во время Великой Отечественной войны. В послевоенный период города не столько восстанавливались, сколько строились с новой планировкой и новой архитектурой. Отметим, что послевоенное восстановление, планирование и строительство белорусских городов осуществлялось, в основном, самими белорусами. В послевоенное время белорусы не просто осваивали созданную другими этносами городскую культуру, они создавали и собственную городскую культуру.

В середине XX столетия Беларусь трансформировалась из преимущественно аграрной в преимущественно индустриальную страну. К этому времени выросло не только количество городских жителей, но выросли сами города. За послевоенный период интенсивной урбанизации в Беларуси, пришедшейся на 1950–1980 гг., в городах, превысивших 100-тысячный порог, проживало свыше 46 % населения. Интенсивный рост городов и городского населения осуществлялся за счет сельского населения, которое только за послевоенный период уменьшилось на 45 % [3, с. 246-247].

Бурный рост промышленности, строительство таких гигантов индустрии, как Гомсельмаш, Минский тракторный и автомобильный заводы, Белорусский металлургический завод, освоение нефтяных месторождений, создание комплекса предприятий радиопромышленности и нефтехимии, с одной стороны, принципиально изменил и профессионально-культурные условия жизни белорусов и потребовал привлечения специалистов из промышленно развитых российских и украинских регионов. С другой стороны, участие в таких всесоюзных программах, как освоение целинных и залежных земель, строительство БАМа, освоение нефтяных месторождений севера России обеспечивали выезд коренных белорусов за пределы Беларуси на постоянное место жительства. Эти встречные процессы «уравновешивали» национальную картину, поэтому, несмотря на миграционные процессы, удельный вес белорусского этноса удерживался в стабильном состоянии.

Динамика изменения национального состава Беларуси и белорусских городов во второй половине XX столетия представлена в табл. 1.2 [22, с. 16-17].

Таблица 1.2

**Изменение национального состава Беларуси
и белорусских городов во второй половине XX столетия**

Годы \ Этнoсы	1959		1970		1979		1989		1999	
	всего	город								
Белорусы	81,1	67,0	81,0	69,3	79,4	71,5	77,9	73,0	81,2	78,0

Русские	8,2	19,4	10,4	19,7	12,0	18,7	13,2	17,0	11,4	13,9
Поляки	6,8	3,4	2,7	4,3	4,3	2,8	4,1	3,0	3,9	3,1
Украинцы	1,7	3,4	3,7	2,4	2,4	3,6	2,7	3,5	2,3	2,7
Евреи	1,8	5,8	3,8	1,4	1,4	2,5	1,1	1,7	0,3	0,4

Процесс урбанизации в Беларуси в течение XX столетия трансформировал белорусское общество одновременно в нескольких направлениях.

Во-первых, бурный рост городского населения принципиально изменил соотношение сельского и городского населения. Это следствие является общим для всех государств ближайшего окружения. Во-вторых, рост городского населения Беларуси сопровождался их «белорусизацией». За период с 1897 по 1999 годы удельный вес белорусского этноса в городах вырос с 17,1 % до 78,8 %. В результате фашистского геноцида против еврейского населения во время Великой Отечественной войны удельный вес еврейского этноса уменьшился с 57,5 % до 0,4 %. Удельный вес в составе городского населения трех славянских этносов: русских, украинцев и поляков на протяжении столетия оставался стабильным. Данные показатели подтверждают природную толерантность белорусов: белорусизация городов осуществлялась не за счет вытеснения других этносов, а вместе с ними. В третьих, к середине XX столетия произошла относительная оптимизация в соотношениях между национальными составами населения Беларуси и населения белорусских городов. С этого времени удельный вес белорусского этноса среди городского населения Беларуси стал доминирующим. *Культура и менталитет белорусов с середины XX столетия стали индустриально-аграрными.*

1.4. РОДОВАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТ МЕНТАЛИТЕТА БЕЛОРУСОВ

Вряд ли следует доказывать, что христианизация оказала конструктивное влияние на формирование культуры, менталитета восточных славян. Но также не следует недооценивать и того обстоятельства, что христианская культура накладывалась не на пустое место. Сложившийся в течение нескольких столетий стереотип о несовершенстве, убогости дохристианской «языческой» культуры славян не позволяет и сегодня понять, осознать сложную структуру формирования и функционирования менталитета восточных славян вообще и белорусов в частности. Не вызывает сомнения тот факт, что к началу христианизации восточные славяне уже обладали достаточно сложной системой

взаимодействия человека и общества, общества и природы. Сложившаяся эстетико-магическая система мировоззрения древних славян обеспечивала условия для построения и воспроизводства основ социального взаимодействия. Дохристианская культура была адекватным мировоззренческим ответом древних славян на необходимость выживания в суровых природных условиях. Невозможность не только подчинить себе природу, но и просто выжить в суровых условиях без взаимопомощи с другими людьми, сформировали у них базовый алгоритм поиска путей к согласию, компромиссу, гармонии с окружающим миром, людьми и природой.

Мировоззренческая картина славян в своей основе была построена на вере в сверхъестественные силы не только окружающей природы, но и своих предков. Эти представления были оформлены и передавались от одного поколения к другому через устные предания, легенды, мифы, былины, сказания. Существенным недостатком дохристианской культуры было отсутствие ее письменных носителей. Носителями былин и преданий были гуслиеры и волхвы. Они передавали их от одних родичей к другим, от старших поколений – к младшим. Волхвы также выполняли функции связи между Богами и людьми, к ним же обращались люди для разрешения житейских споров. Поэтому в период христианизации восточных славян уничтожение волхвов-колдунов фактически обозначало уничтожение профессионалов древнеславянской культуры.

В дохристианский период славяне имели своих небесных покровителей. Пантеон Богов славян, также как и греческий пантеон олимпийских Богов, не был чем-то противопоставленным земной жизни людей. Жизнь Богов и жизнь людей были переплетены тысячами нитей. Славянский Бог *Велес* не только распоряжался подземным миром, но и опекал пастухов и домашний скот. Бог огня *Жижель* в подземной кузнице ковал оружие. При переусердствовании или обиде на людей он мог перегреть землю так, что загорались болота и леса. Бог холода *Зюзя* не только охлаждал перегретую землю, но мог в наказание заморозить людей. От Бога *Тура* зависела жизнь диких зверей и успехи славян на охоте. Богиня *Мара* посылала людям не только сны, мечты, но и мучила их ночными кошмарами. *Перун* властвовал над громом и молниями, он же заведовал и военными делами. *Купала* одаривал урожаем и достатком усердных людей и посылал недород на нерадивых. *Дажбог*, *Ярило*, *Коляда* и *Хорс* были богами солнца. Они опекали земледельцев и ремесленников, дарили людям тепло.

Главным Богом, возглавляющим Пантеон славянских божеств, был *Род* (*Сварог*, *Стрибог*). *Род* был творцом жизни, оплодотворял Землю и все живое, управлял ветрами и небесными явлениями. *Роженицы* – богини любви и весеннего пробуждения – *Лада* и *Макошь* были посланницами Рода. Помощниками Лады были покровители влюбленных *Леля* и *Полель*.

Род управлял не только людьми, но и всем остальным Пантеоном славянских божеств. Можно предположить, что дохристианская религия восточных славян по своей сути была *родовой религией*. Поэтому было бы более продуктивным вместо неопределенно-унизительного названия «язычество» пользоваться понятием «родовая религия древних восточных славян». Ведь «язычество» совершенно неопределенный термин, возникший в христианстве для определения всего дохристианского. Древнегреческая и древнеримская культура, мифы и легенды Древней Греции, верования кельтов, германцев и скандинавов – все подпало под понятие «язычество». Под понятие «поганое язычество», в свое время, подпала и культура древних славян.

В процессе христианизации славян греко-иудейский вариант христианства, выросший на принципиально отличающейся (в прямом и переносном смысле слова) восточноевропейской почве, был обречен на существенную модернизацию. Православие было вынуждено принять в себя целые пласты древнеславянской культуры, «языческой» религии славян. Великдень, у древних славян приуроченный к равноденствию, после которого день становился длиннее ночи, трансформировался в Пасху. Языческое Купалье, праздник воды и огня, трансформировалось в христианский праздник «Рождество честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна». Языческий праздник в честь зимнего солнцестояния – Коляды – приспособили к Рождеству Христову.

На специфическое взаимодействие дохристианской «языческой» и православно-христианской религии обращали внимание исследователи Беларуси второй половины 19 века. По утверждениям исследователей «у белорусов разнообразный и бесконечный цикл обычаев, примет и суеверий, как и следует быть у неудачливого, но исконного и исключительного земледельца. Из группировки этих верований составляется полная мифология, вся языческая славянская вера до христианского культа, сохранившаяся под шумок борьбы двух коренных исповеданий (православного и католического) и безличного третьего (унии)» [7, с. 455].

Особенно сильно взаимопроникновение христианских и дохристианских культов сформировалось в Полесье. Тот же источник сообщает, что «набожность среди населения в Пинском крае очень сильна. Исполнение религиозных обрядов соблюдается повсеместно. И несмотря на это, христианская обрядность до такой степени перепутана здесь с древне-языческой, что народ не умеет даже отличить одну от другой. ... Консервативное начало развито в народе так сильно, что он не посмел бы даже нарушить в чем-либо запретов прошлого и не исполнить того или иного обряда, установленного обычаем» [7, с. 350].

В процессе узаконивания христианских норм и ценностей как единственно правильных, ощущение своего единства с родом и природой, вытесненное христианством из официальной культуры, переместилось в

область фантастики, в предания, сказки, мифы, суеверия, обряды, ворожбу, заговоры и гадания. И сегодня, спустя тысячу лет после официального принятия православной версии христианства, не только народные обряды и праздники, но и сам жизненный строй восточных славян в значительной степени подчинен природно-родовому мироощущению. Несмотря ни на что и в настоящее время родовая культура в жизни белорусов является структурообразующей. *Род* и после христианизации остался главным началом, пронизывающим всю жизнь восточных славян. Об этом говорит тот бесспорный факт, что все самые важные, интегрирующие понятия, принципы, связывающие в единую систему механизмы взаимодействия человека с обществом, общества с природой, у восточных славян имеют один и тот же корень *род*:

• плодородный	• народ
• породненный	• природа
• народный	• родник
• урод	• родственник
• награда (бел. – узнагарода)	• Родина
• город	• предок (бел. – продак)
• родитель	• предания
• рождение (бел. – нараджэнне)	• родословная (бел. – радавод)
• родной	• огород
• родимый	• благородный
• возрождение (бел. – адраджэнне)	• безродный
• недород	• выродок
• урожай (бел. – ураджай)	• чужеродный
• роженица (бел. – парадзіха)	• урод
• народность	• инородный
	• юридивый

По своему содержанию производные понятия от корня *род* условно делятся на три смысловые группы:

- 1) *кровно-родственные*;
- 2) *социально-родовые*;
- 3) *природные*.

Первыми по происхождению и по нагрузке являются категории, выражающие *кровно-родственные* отношения:

• предок (бел. – продак)	• роженица (бел. – парадзіха)
• предание	• родной
• родитель	• родственник
	• родословная (бел. – радавод)

Так, *родословная* (бел. – *радавод*) у восточных славян, говоря современным языком, выстраивает генеалогическое древо происхождения и взаимоотношения всех членов *рода*, *родственников*. В отличие от западноевропейцев и североамериканцев восточные славяне были обречены жить *не вопреки* и даже *не рядом с другими*, а *только вместе с родичами*, с *родными*. Отсюда принципиальным для поведения восточных славян являлось чувство *лада*, *синхронизации*, согласования своих действий не только в производственной, но и в личной, бытовой сфере. «Так, как у людей», «не хуже, чем у людей», «как люди, так и я» – базовые алгоритмы взаимосвязи и взаимодействия восточных славян и в пространстве, и во времени. В условиях неписьменной культуры, отсутствия каких-либо письменных документов, удостоверяющих личность, ответ на вопрос: «Какого ты роду, племени?» – был решающим при определении социального статуса незнакомца. Знать свой *род*, своих *родичей* до пятого поколения было совершенно естественно. Знания о своих *предках* славяне получали из устных *преданий*. «Преданья старины глубокой» и были важнейшим элементом дохристианской, дописьменной культуры восточных славян. Устная форма преданий – основного источника знаний о жизни как современников, так и предков, предполагала высокую коммуникативность, естественное славянское гостеприимство. Ведь любой путник, странник был носителем знаний о мире, поэтому любой из них был желанным гостем. Категория *родной*, в первоначальном значении обозначавшая только принадлежность индивида к роду, со временем дополнительно приобрела и интимно-личностное значение. Во втором значении *родным* мог быть и представитель другого *рода*. *Роженица* (бел. – *парадзіха*) – женщина, дающая жизнь новому члену *рода*, была важнейшим, неотъемлемым, в очень сильной степени сакральным звеном в продолжении рода. Женщина, лишенная способности рожать, была неполноценной и даже опасной. Женское бесплодие рассматривалось как кара за грех. Процедура родов сопровождалась целым набором обрядов, родившую женщину одаривали. Чем больше было детей у женщины, тем более значимым был ее социальный статус.

Родители, *предки* (бел. – *продкі*) занимали главное место в славянском мире не только при жизни, но и после ее окончания. *Родительский день* (*Радуница*) до настоящего времени у белорусов является самым сакральным, самым главным интимно-родовым праздником, святодействием. По своему значению неформализованной обязательности он перекрывает все остальные культовые праздники. На дохристианскую родовую сущность Радуницы указывает ее ритуально-обрядовая структура. Уход за могилками, обильное, щедрое угощение выполняют функцию встречи не только живущих родственников с усопшими, но и живущих друг с другом родственников. Ритуальное обязательное «кормление»

усопших родственников реализует иллюзию не только духовной, но и «плотской» связи между живыми и усопшими родственниками.

Особенно реально значимость этого пережившего тысячелетие святодействия проявляется на землях, опаленных Чернобылем. Мертвые родовые поселения, из которых по злой воле ушли жители, в этот день приобретают сюрреальный облик. Пустые глазницы домов, разрушенные подворья, одичавшие сады, заросшие пашни и приусадебные участки и ... «живое» кладбище, приведенные в порядок, покрытые коврами, скатертями могилы родичей. Могилы предков в родительский день для людей, изгнанных Чернобылем из родных мест в чужие края, становятся местом встреч не только живых родичей с усопшими, но и живых с живыми. Не подвластная воле и сознанию сила, зов предков, заставляет людей, рассеянных по Беларуси, и не только по Беларуси, собираться в этот день на могилах предков. Для чего собираются здесь родичи? Для того, чтобы почувствовать свою причастность к своему *роду*, своей *Родине*, своему кусочку *природы*. Сколько времени еще сохранится у белорусов одна из базовых ментальных характеристик «сопричастности с родом»? Сказать трудно. История показала, что этот «зов» позволил достаточно мирно сосуществовать в течение нескольких столетий «подпольной» языческой, родовой религии, с официальной православно-христианской.

Народность, в соответствии с определением, представляет собой сложное этническое образование, объединенное родовым началом.

Вторая группа производных от *рода*, *социально-родовых* понятий выражает не столько кровно-родовые, сколько социально-родовые формы взаимодействия *родичей*, к каковым относятся:

- награда (бел. – *узнагарода*)
- народ
- народный
- родимый
- безродный
- выродок
- чужеродный
- урод
- инородный
- благородный

Категория *благородный* в первоначальном смысле обозначала человека, рожденного от благого, хорошего рода, позже приобрела социальную характеристику *благого*, хорошего, скорее по воспитанию, чем по рождению человека. Понятие *выродок* у восточных славян обозначает человека, утратившего в процессе беспутной жизни изначальные социально-родовые качества, а понятие *урод*, скорее всего, человека, который родился без значимых родовых характеристик. Широко используемое в христианской культуре понятие *юродивый* как отличный от других людей, богом избранный человек, скорее всего является трансформированным понятием *урода*. Близкие по смыслу *чужеродный* и *инородный* различаются между собой таким образом, что если *инородный* обозначает человека, принадлежащего к *нейтрально иному роду*, то

категория *чужеродный* обозначает индивида, принадлежащего к *чужому, чуждому* роду. Категория *безродный* носит социально нормативную, осуждающую нагрузку. Вследствие того, что в кровно-родственном измерении человек, в принципе, не может быть *без рода*, то очевидно, что здесь акцент делается именно на *социально-родовое беспмятство* и реально обозначает человека, *не помнящего* или *не знающего родства*. Считалось, что на обычный при встрече вопрос: «Какого ты роду-племени?» – человек должен был назвать родственников до пятого поколения. В противном случае, он казался *безродным*. И, наоборот, *породненный* – это тот, кто не является кровным родственником, но принял, признал нормы и ценности данного рода. Специфической формой *породнения* у восточных славян является *кумовство*. Поскольку на кума и куму возлагаются *родительские* функции в воспитании крестника, то фактически они входили в состав самых близких родственников. Кум и кума подбирались на добровольной основе, и родители крестника, таким образом, подбирали нормативно-желательных наилучших социальных «родственников».

Сегодня *породненными* могут быть не только люди и семьи, но и *города*, и государства. В настоящее время практически утратила свое первоначальное кровно-родственное значение и приобрела преимущественно социальную нагрузку категория *народ*. *Народ* в современном понимании обозначает социальное объединение, состоящее из нескольких *народностей*, но, по-прежнему, удерживает в себе самые главные, самые сакральные *родовые* характеристики. Несмотря на все перипетии в переоценке ценностей, в современных условиях почетное звание «*народный*» является главным при оценке творческого потенциала человека или коллектива. Категория *награда* (бел. – *узнагарода*) выражает социальное признание *Родины* за выдающиеся заслуги перед *народом*.

Третья группа производных от корня род является отражением связи рода с окружающим ландшафтом, с *природой*:

- *родник*
- *огород*
- *город*
- *плодородие*
- *природа*
- *урожай* (бел. – *ураджай*)
- *недород*

Этот ряд понятий выражает четкую взаимосвязь *рода* с окружающим природным миром. *Природа* в ощущении славян выражает не просто ландшафт, а именно ту часть естественного окружения, в которой живет *род*. *Природа* у восточных славян ассоциируется с лесом, полем, болотом, которые окружают и в которых живет *род*. *Родник* восточные славяне воспринимали не как простой источник воды, а как жизненный источник, питающий влагой *род*. *Огород* – это участок огороженной земли, обеспечивающий *род* продуктами. Для восточных славян аграрно-

продуктивная и сакрально-магическая сущности земли были неразрывными. «Мать-сыра земля» для славян была не только насыщенной влагой, питающей корни растений и рождающей урожай, но и *Родиной*, где жили их предки, где живут и будут жить потомки – *родственники*. «Из земли мы вышли, и в землю войдем» – истина, которую задолго до христианства освоили наши предки. Именно поэтому земля у славян была *родной*. И сегодня еще сохранился обычай, покидая родные места, брать с собой на чужбину горсть родной земли. А в случае, если человека хоронят не в родной земле, первой в могилу нужно бросить горсть земли, привезенной с *Родины*.

Древние славяне знали, что земля *плодородна* только в том случае, если ее оплодотворит земледелец. Ритуально-магический праздник «первой борозды» выполнял функцию ненасильственного, любовного воздействия *плодотворного* пахаря на *плодородную* землю. Праздник «зажинок» или первого снопа выполнял ту же сакральную функцию. С матерью-сырой землей нужно было полюбовно, по-родственному, договориться о предстоящем жнивье. Первый сноп не обмолачивался, он и был ценой любовного сговора как с *природой*, так и с усопшими *родственниками*. *Урожай* – это условие выживания рода, и, наоборот, *недород* обрекает род на мучение и вымирание. Не случайно славянское понятие *плодородие* состоит из двух составляющих: *плод* и *род*. Это сложное понятие взаимообусловлено его двумя частями. *Плод* имеет значение только в приложении к *роду*. А *род*, в свою очередь, должен быть *плодовитым*. В настоящее время ставшие действительно народными «дожинки» – это пережившая тысячелетие форма благодарности людей матери-земле за подаренный урожай. Поскольку *урожай* принадлежит всему *роду*, то им нужно поделиться со всеми *родственниками*. В Беларуси была широко распространена «бонда» – народный обычай угощать родственников, односельчан свежениной, медом, фруктами. Демонстрация *урожаия*, щедрое угощение выполняло сакральную функцию связи *родственников* друг с другом и *природой*.

Понятие *город* в первоначальном значении обозначал огороженную землю, обеспечивающую защиту *рода* от внешней вражеской среды. С течением времени он приобретал социально-территориальное значение. В настоящее время город среди всех типов населенных пунктов стал самым *безродным*.

Самое главное производное от *рода* понятие *Родина* у восточных славян выражает сложные взаимосвязи человека, во-первых, с *родом*, *родней*, *предками*, во-вторых, с ландшафтом, окружающим *род* – *природой*, и, в-третьих, с особенными отношениями, в которых люди ощущают себя *родными*, *родимыми*. Поэтому самым главным и самым святым мужским долгом у славян был долг защищать Родину. Утратив любую из трех компонент, образующих неперебиваемые на другие языки понятие *Родины*,

славянин ощущает чувство дискомфорта. Всем известна мучающая оказавшихся на *чужбине* славян, и непонятная для других этносов, *ностальгия*. Это мучительное чувство у славян возникает, даже если они выезжают в эмиграцию со своими *родными*. Но нельзя с собой взять могилы *предков*, нельзя взять с собой *природу*. В отличие от американцев, у белорусов Родина – не абстрактное, аморфное понятие. У американца Родина – там, где хорошо; у белоруса хорошо там, где его Родина. «Где родился – там и пригодился». Следует отметить, что важнейшая особенность славянского феномена – Родины – заключается в том, что в критические времена ее масштабы расширяются до границ государства – Отечества (Отечественная война 1812 г. и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. тому доказательство). В мирное, стабильное время ее масштабы сужаются до границ «малой Родины». Просчеты советских идеологов в патриотическом воспитании заключались в игнорировании именно этой закономерности.

Следует подчеркнуть, что не только чужеземная эмиграция, но и современные чернобыльские события показали, что переезд со своей «малой Родины» на сравнительно недалекое расстояние и даже всей деревней, всем родом для многих чернобыльцев оказался непосильной нагрузкой. Родная природа, могилы предков оказались сильнее страшного атома. Чернобыльцы, вернувшиеся в разоренные родовые гнезда, вынуждены были сделать нелегкий выбор: возвратиться к могилам своих предков, к своим, после атомной катастрофы ставшими «своими – чужими», огороду и полю, болоту и лесу – своей малой Родине, но, при этом, разорвать связи с родственниками, оставшимися на чужбине. Если бы знали об этом руководители, принимавшие непростое решение о выселении чернобыльцев, может быть, и не наделали бы такой массы социальных просчетов, не рассеялось бы по белу свету столько людей, ставших *безродными*. Проводимая в настоящее время государственная политика по наведению порядка на земле, по возрождению малых городов и сел, помимо других социально-экономических последствий, работает и на восстановление «малых Родин» – *родовых* гнезд белорусов, на восстановление их *родовой* памяти, *родового* сознания.

Ослабление значимости и ценности *родового* мужского начала в славянском мире неизбежно сказывается на дееспособности всех социальных структур. Но, в первую очередь, это сказывается на основе социальной организации – *семье*. Социальные сироты, неполные семьи – прямые следствия деградации мужского, родового начала. Ведь, если отбросить лукавство и называть вещи своими именами, то под понятием неполной семьи реально понимается материнская, безмужняя и безотцовская семья. Обратите внимание, на первый взгляд складывается парадоксальная ситуация – после развода безмужняя семья в большинстве случаев носит фамилию бывшего мужа, отчество детей отражает мужскую

родовую линию, но фактически главой семьи становится женщина. Почему разведенная женщина в большинстве случаев оставляет фамилию бывшего мужа? Потому что на уровне подсознания ощущает, что лишать детей отцовской родовой линии опасно. А поменяв фамилию на девичью, она в родовом ощущении неизбежно «разводится» с детьми.

В чем дело, по каким причинам в славянском мире происходит беспрецедентная деградация семейных ценностей? Одна из причин заключается в том, что у славян, при всех перипетиях, семья и в XXI веке не становится нуклеарной по американскому образцу, в которую включаются только муж с женой и их несовершеннолетние дети. Как известно, в нуклеарной семье дети, достигшие совершеннолетия, социально перестают быть детьми. В славянском мире дети социально остаются таковыми, пока живы их родители. Как ни парадоксально, но одна из важнейших причин, провоцирующих воспроизводство неполных семей, заключается в том, что женщина при принятии решения о разводе ощущает себя частью прежней – отцовско-материнской, патриархально-родовой семьи. Не только мать с отцом, но и дедушка и бабушка, братья и сестры, тети и дяди, другие родственники не только окажут материальную помощь, но и возьмут внука или внучку на воспитание, т. е. станут их фактическими родителями. Американке надеяться не на кого, поэтому она тысячу раз взвесит возможные последствия и вступления в брак, и его расторжения. В славянском мире иначе. Противоестественное соединение американского понимания личной свободы со славянским ощущением ответственности всего рода за каждого своего родича и породило эту горючую смесь «свободно-безответ-ственного» семейного поведения.

В восстановлении мужского родового начала в семье славянские женщины фактически заинтересованы больше, чем мужчины. *Феминизм* – совершенно естественное явление индивидуалистической западной культуры, в условиях коллективистской культуры проявляется в своей совершенно противоестественной, неадекватной форме. Ведь в славянском мире девушки выходят замуж, т. е. идут за мужем, а юноши женятся, т. е. ведут за собой жену. Чем больше эфемерного «равенства» в условиях славянской коллективистской славянской культуры будут добиваться феминистки, тем больше будут «размываться» мужские, родовые начала. И речь здесь, конечно, не идет о формально юридическом, а о фактическом восстановлении ответственного мужского родового начала. Способность организовать самодостаточность семьи, обеспечить ее не только хозяйственно-бытовую, но эмоционально-интимную устойчивость, сформировать чувство ответственной согласованности, рациональной взаимодействия, взаимной ответственности членов семьи – удел и крест мужчины. И никакая экономическая компенсация – будь то алименты или любая другая «финансовая поддержка» – не способна компенсировать отсутствие мужского влияния в семье, мужской линии воспитания детей.

В неполной материнской семье мальчик не может выстроить для себя образ реального семейного мужчины и мужа, девочка – лишена возможности построить свою собственную модель будущей жены, равно как и модель будущего мужа. Безотцовщина – социальный «приговор», существовавший в славянском мире, вновь стал таковым.

Чрезвычайно важно, чтобы общество, все государственные институты не только как можно раньше осознали, что восстановление «размытого» мужского родового начала – это не прихоть, не мускулиная рефлексия на неумные претензии феминисток, а жесткая необходимость восстановления, по своей сути, мужских ответственности, служения Родине и жертвенности во имя общих целей. Мужские начала – благородство, ответственность, честь, воля, способность преодолевать трудности – не передаются по наследству автоматически, не продаются и не покупаются, но являются продуктом сложной системы воспитания, в первую очередь, семейного.

Потеря значимости в обществе мужского родового начала публично проявилась в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, теперь уже прошлого века, и явилась важнейшим индикатором деградации советского общества. Публичный отказ от службы в Вооруженных Силах, небывалое в славянском мире шельмование армии, силовых структур, возможно, и не самое главное, но самое яркое проявление деградации мужского начала в обществе. Быть больным и обиженным для мужчины оказалось престижнее и выгоднее, чем быть здоровым и сильным. Сформированные на этих социально-нравственных началах семьи были обречены на ущербное существование. «Откосившие» от службы в армии мальчики, став мужьями, были обречены на такую же линию поведения и в семье. Девочки, биологически, психологически и социально взрослеющие на три-четыре года раньше мальчиков, выйдя замуж за своих ровесников, обречены оставаться в семье старшими. Круг замкнулся.

Семья, семейные ценности нуждаются и в общественной, и в государственной защите. Неполные семьи неспособны обеспечить даже простое воспроизводство нации. Коэффициент рождаемости в Беларуси за период с 1990 по 2002 гг. снизился с 14,0 до 9,2, а коэффициент смертности возрос с 10,8 до 14,1. Естественный прирост населения, выражавшийся в 1990 г. коэффициентом 3,2, сменился естественной убылью, которая выразилась к началу 2002 г. коэффициентом 4,9 [2, с. 195].

Процесс депопуляции является более чем убедительным показателем утраты традиционной славянской самодостаточной ценности – семьи. Одинокие, «внесемейные», мужчины оказываются неспособными к преодолению жизненной неустроенности. По определению Е.М. Бабосова, *сверхсмертность* мужчин проявляется в самой дееспособной, в т. ч. и с точки зрения репродуктивности, возрастной группе 20–44 года. В 2001 г.

в этой возрастной группе смертность мужчин превысила смертность женщин более чем в четверо [2, с. 196].

Процесс распада семей жестко коррелирует с тенденцией возрастания суицидов, где также печально лидируют мужчины. Если в 1990 г. число умерших от самоубийств составляло 34,5 мужчин и 8 женщин на каждые 100 тыс. чел., то в 2001 г. эти показатели возросли соответственно до 60,3 и 9,3 [2, с. 196].

Печальная статистика свидетельствует, что семья нуждается не только в материальной защите, что наряду с материальной поддержкой институту семьи необходим целый комплекс социально-психологических, социально-нравственных механизмов, утверждающих самодостаточную ценность семейной жизни. Все государственные институты должны работать на общенациональную цель: настоящие белорусы – семейные белорусы, «брошенные» дети сегодня, возвратятся «брошенными» стариками завтра.